

Свет сквозь щели

ВЕРА СТРЕЛЬЦОВА

18+

Вера Стрельцова
Свет сквозь щели

«Автор»

2026

Стрельцова В.

Свет сквозь щели / В. Стрельцова — «Автор», 2026

Иногда свет проникает туда, где его совсем не ждёшь. На пыльном чердаке Женя и Никита находят старую тетрадь — дневник женщины по имени Валерия, которая тоже искала свет сквозь щели. Её история переплетается с их собственной болью, с особенным ребёнком, с давними травмами каждого, с библейским воплем «Помоги моему неверию». Эта книга не дает готовых ответов. В ней не будет чудесного исцеления. Она просто честно рассказывает о том, каково это — идти сквозь тьму, цепляясь за тонкие лучи света. О любви, которая спасает вопреки всему. О прощении, которое освобождает от обид. О сострадании к тем, кто причинил боль, часто того не желая, а просто потому что им тоже было больно. О надежде, которая не обещает чуда, но не дает угаснуть...

© Стрельцова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

---	5
Глава 1. Овца	6
Глава 2. Минус одна головная боль	9
Глава 3. А если...	11
Глава 4. Хорошо, когда женщина плачет. Ей нужно плакать. Плохо, когда у женщины нет слёз	14
Глава 5. Что-то для нас. Если нет – станет нашим	20
Глава 6. С сигаретой, которую я не закурю при тебе	28
Глава 7. Спасибо, что не сказала «заколебал»	35
Глава 8. Господи, если Ты есть... Господи, если Ты слышишь	37
Глава 9. Ты мне доверяешь?.. Ты бы простил?	47
Глава 10. Зачем я это читаю?.. Хорошо, что я это читаю...	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Свет сквозь щели

Все персонажи и события в книге вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями являются случайными.

Глава 1. Овца

– Интересно, насколько нужно устать, чтобы Бог сказал: достаточно...

– Ты что-то сказала, Жень? – не отвлекаясь от дороги, спрашивает Никита.

Она повторяет. Он продолжает ехать, изредка бросая взгляд на навигатор. Скоро будут на месте.

– Это был риторический вопрос? Кто ж на него ответит? Да и ты вроде никогда особой религиозностью не отличалась. Что вдруг?

– Да потому что я уже не знаю, что спросить и что сказать. Я устала. От всего. От того, что ничего не получается, сколько бы ни вкладывались. От того, что я не понимаю Сашу, от его поведения, от того, что я бьюсь, а результаты – крупницы, от этих косых взглядов прохожих и соседей. От этих бесконечных вопросов: «А как ваш мальчик?», «А что говорят врачи?», «О, молодцы, что занимаетесь! А прогресс-то есть?» Да нет никакого прогресса, и что нам теперь?!

– Женья, мы сейчас за городом, и связь здесь не такая хорошая, навигатор постоянно ерунду выдаёт, я с трудом по карте пытаюсь вспомнить, где будет нужный поворот. Прости, но не до философии сейчас. Мы, кажется, и сняли на лето этот дом, чтобы отдохнуть с Сашей от всего этого, чтобы никого не видеть. Я сам уже ничего не понимаю. Меня сейчас больше волнует вопрос, насколько там стабилен Интернет, чтобы я мог работать. Хозяева обещали, что все будет хорошо, но кто их знает.

– Никит, а тебя, кроме работы, что-то ещё волнует в этой жизни?

Он напрягся. «По ходу, она опять поругаться хочет. Чего ей опять не хватает? Деньги, видимо, не я зарабатываю, а они сами волшебным образом на картах появляются».

– Например? – спрашивает он.

– То, как я устала с Сашей, то, как я занимаюсь с ним, а он почти не говорит, как меня достали подруги своими детьми, какие они у них молодцы и уже по слогам читают, а Саша только в шесть лет еле фразу из трёх слов сказать может и до двух считает с трудом, его бесконечные истерики, как я вся хожу покусанная и поцарапанная, потому что он не понимает слова «нет». Как в дальнейшем его обучать, в какую школу его возьмут?

– Жень, а для чего я работаю? А откуда мы берём деньги, чтобы оплачивать все его развивашки? А ты не думала, что, если я молчу и не плачу тут с тобой, это не значит, что меня не беспокоит Саша и его будущее?

Он не кричит, но тон уже повышен. «А что от него ещё можно было ожидать?» – с комом в горле думает она.

– Зачем ты так сразу? – всё, что она может сказать.

– Я тебя понимаю, но ты и меня пойми. Мы работаем над одной проблемой, только каждый по-своему.

– Я вообще не знаю, стоило ли снимать этот дом. А вдруг мы не справимся на новом месте, где для Саши всё незнакомое, вдруг мы нарушим всю его стереотипность. Ему же тяжело, когда что-то не по плану.

– Ну попробовать же можно. Ну в крайнем случае вернёмся в город.

– Наверное... Я уже ничего не знаю...

– А между прочим, кажется, мы уже на месте. Да, это тот дом как раз. Теперь наш на два месяца. Ключи от ворот вроде у тебя. Открой, пожалуйста, Жень, я заеду.

И, помолчав пару секунд, добавил:

– И да, кстати, возвращаясь к вышесказанному. Секса... нормального давно не было.

Она замирает от неожиданности.

– Что?

– Ну не знаю. Просто факт. Я не к тому, что мне надо прямо сейчас. Но вообще. Подумай просто.

Женя не знает, что ответить на такое, и выходит из машины. Саша в детском кресле на заднем сиденье начал беспокоиться. Он мало говорил к своим шести годам. Только начинает повторять, постепенно переходя на крик: «Мама... Мама».

– Саша, мама не ушла никуда, вон, видишь, она, – попытался успокоить сына Никита. – Сейчас нам ворота откроет, и ка-а-ак заедем!

Никита старается максимально эмоционально и весело говорить с сыном, но тщетно... Истерика уже в разгаре. Да что ж делать теперь?

– Саша, не плачь, вот она, вот же.

Да что ж она всё ковыряется с этим замком, что там так долго открывать можно?

Он опускает водительское стекло:

– Жень, ну чего?

– Никит, не получается у меня. Ключ вставляю – и не крутится, ни туда ни сюда.

– Да ёлки зелёные... Что же мне с вами делать? Саша, замолчи! – отчаянно рявкнул он. Саша тем временем уже колотил ногами в кресло отца.

– Что ты на него кричишь? Он же болен, не понимает.

– Ага, а ты на него никогда не орёшь, можно подумать, самая терпеливая?

– И что, мы теперь половыми органами меряться будем?

– Да ну тебя. Иди сядь за руль, заезжай сама. И ребенка успокой.

– Ага, ты его довёл, а мне теперь успокаивать. Да и не умею я на твоей машине ездить, габаритов не чувствую.

– Всё, как везде. Давай садись быстрее уже.

Женя подбегает к машине и первое, что пытается сделать, – это обнять Сашу, но тот отталкивает её руками.

– Саша, Саша, малыш, успокойся. Я здесь! Смотри, куда мы приехали... Сейчас гулять пойдём. Малыш, успокойся! Каких ты домашних животных знаешь? – спрашивает она, чтобы хоть как-то отвлечь ребенка.

– Овца!!! – отчаянно сквозь слёзы кричит Саша.

«Удивительно, что не кошка или собака... Неужели это он меня так назвал?» – думает она. Раздражение Никиты сменяется смехом:

– А парень, оказывается, с юмором растёт. Между прочим – показатель интеллекта.

«Правда, ни фиги себе. Ответил по-своему. И главное – в тему», – думает он про себя.

– Ты тоже меня овцой считаешь, что ли? – со вздохом спрашивает она.

– Да никто никем не считает тебя, Жень. Но это было забавно. Надо запомнить, – подмигивает он. – Давай подождём, пока он успокоится. Я сам открою, сам заеду. Так проще, видимо.

– Вот уж правда. Меня никто не считает... никем.

Женя отстёгивает Сашу от кресла, он вылезает из машины. Истерика уже прошла свой пик, но слезы еще текли. Ну ладно, могло быть хуже, и с дракой. Всё-таки «овца» помогла. И на том ей спасибо. Она садится на корточки и пытается посмотреть сыну в глаза. Саша отводит взгляд. Он всё ещё избегает зрительного контакта, как и избегал на втором году жизни. Именно тогда Женя и заподозрила, что что-то не то, а не просто «он позже заговорит». Но никто не хотел слушать. От врачей было не добиться ничего, а на то, что ребенок не говорит, ей только отвечали: «Ну вы, видимо, с ним мало занимаетесь. Надо больше разговаривать с ребенком самой». Ага, если бы всё так было просто. Да и родственники с друзьями тоже включались со своими разговорами про соседку тётю Дусю, у которой сын до пяти лет молчал, а потом Шекспира в оригинале читать начал, да сто пятьдесят раз рассказывали анекдот про еврейскую мамашу, которая вначале сокрушалась, что сын не ходит, потом из-за того, что он не говорит, а потом она постоянно кричала: «Сядь и помолчи».

– Ну всё, пять минут – полёт нормальный, кажется, успокоился. Я пошёл открывать. Саша, я никуда не ушёл, смотри, я здесь, вот ключ, его надо вставить в замок – и дверь откроется. Вот почему не сделали автоматические ворота здесь?

– Ну что ты хочешь, дом старый. Что-то более новое и продвинутое мы вряд ли потянули бы. Сашины занятия большую часть бюджета съедают.

– Это да. Что-то замок и вправду не открывается. Только этого ещё не хватало сейчас... Погоди, кажется, получилось. Просто старый и ржавый. Ага, ну слава богу.

Никита распахнул ворота и вернулся в машину. Женя и Саша пошли во двор пешком.

Глава 2. Минус одна головная боль

Двор был небольшой и казался немного диким. Стояли высокие деревья, несколько ёлок, сосна и пара берёз. Кто-то когда-то давно их посадил. Когда-то кто-то здесь жил, строил планы, любил, о чём-то переживал. В углу двора стояли старые, но добротные детские качели и песочница. Как раз удачно для Саши. Была небольшая деревянная беседка. Дом тоже был небольшим, но вполне подходящим для них. На крыше – потемневшая от времени черепица. А на втором этаже, за заколоченным окном – еле видимое пятно. Похоже, что чердак. Впрочем, сейчас не особо до этого.

Женя решает показать Саше двор:

– Саша, смотри, как здесь хорошо, мы теперь тут жить будем. Смотри, качели, хочешь покачаться?

– Хочешь покачаться, – эхом повторяет Саша, испуганно озираясь по сторонам.

«Опять эта эхололия, – думает она. – Сколько же ещё предстоит с ней бороться. Ну хорошо, что хотя бы “нет” говорить научился. Как теперь “да” выучить?»

– Саша, нужно говорить: «Я хочу покачаться».

– Я хочу покачаться, – опять эхом отразил Саша.

Ну ладно, хоть так...

– Пойдём.

Она начинает качать Сашу на качелях. Ему всегда это нравилось, он не боялся, когда качели взлетали высоко вверх. Он вообще мало чего боялся. Он не боялся боли. Его не надо было подготавливать к прививкам, уколам, взятию крови. В лабораториях медсёстры больше начинали с ума сходить перед процедурами, ему же всё всегда безразлично. «Вот повезло», – сказал бы какой-нибудь неискушённый родитель. Ах, если бы... На самом деле он может сильно ушибиться, обжечься, а то и сломать что-то – и не заплакать. И даже не покажет, что ему больно. У таких детей мозг часто иначе обрабатывает боль. И Саша не чувствует то, что для Жени вполне ощутимо и неприятно. И это не подарок, а проклятие... Она понимает, что может пропустить что-то серьёзное. Ведь мало того, что он словами не пожалуется, он ещё никак себя не выдаст. И это ещё один её страх. Вечный страх...

– Саша, пойдём, деревья посмотрим.

– Нет.

Ага, всё-таки он знает, когда сказать «нет».

– Пойдём посмотрим, там здорово.

Саша нехотя слезает с качелей.

«Какой же он высокий» – думает она. – «Для своих шести лет тянет на восемь, а то и больше. Я сама невысокая, Никита ненамного выше меня. Помню, что даже на свадьбу надела балетки, чтобы не возвышаться. Хотя, что я хочу... Папа мой был под два метра ростом, а я в маму пошла. Впрочем, это не так важно, может быть, и Саша в какой-то момент перестанет быстро расти. Но сейчас он выше своих сверстников. А от этого ещё болезненнее для меня реакция окружающих. Ведь от него ждут большего, думают, что он школьник. А он... Почти не говорит... И даже для шести лет мало, что умеет...».

– Это что? – спрашивает она Сашу, указывая на ель и пытаясь отвлечься от своих мыслей.

– Ёлка.

– Правильно, умничка. А это?

– Сосна.

– Здорово! Какой ты молодец!

Вот, всё-таки что-то знает, не зря мучаемся. Хотя... Толку с этих деревьев. Где он это в жизни применит?

– А это?

Молчание.

– Что это, Саша? Ты знаешь.

– Рябина.

– Ну как же? Здесь и листочки не такие, и ягодок нет. Думай, думай. Бе...

– Берёза.

– Ну вот видишь, молодец.

К ним подходит Никита. Он уже успел перенести из машины все вещи в дом.

– Жень, я, конечно, всё понимаю, но, может быть, не стоит превращать первый день в АВА-терапию? Успеете ещё позаниматься. Дел не впрокорот. Всё это разложить, расставить. Да и есть хочется в конце концов. Ты же собрала что-то пожевать?

– Ох да, проза жизни. Да, конечно, собрала. В рюкзаке ланч-бокс для Сашки и нам бутерброды.

– Ну вот и отлично, давайте поедим уже. Пойдёмте в дом.

В гостиной стоял небольшой стол, как раз на семью из трёх-четырёх человек. В кухне было всё необходимое: чайник, микроволновка, посуда, холодильник, плита, и о чудо – даже посудомойка. Минус одна головная боль. Она погрела еду для Саши. Вроде всё, как он любит, картошка с курицей. Но он сидит над тарелкой и не ест. Почему? Не хочет? Стресс из-за новой обстановки?

«Да, Господи, мы все сейчас в стрессе, – думает она. – А сколько ещё предстоит сегодня? Зачем мы во всё это ввязались?»

Она берёт своей рукой руку Саши с ложкой и спокойно, не торопясь, кладёт ему первый кусок в рот.

– Пробуй. Вкусно.

Саша не сопротивляется. Уже хорошо. Но и не стремится сам есть. Второй кусок, третий. Начинает есть сам. Минус ещё одна головная боль.

А впереди ещё столько дел сегодня... И ни у Никиты, ни у неё нет ни одной мысли о том, что спустя два месяца они будут благодарить Бога за этот день, когда они оказались здесь, за всё, что будет потом, и даже за этот проклятый ключ, который никак не хотел поворачиваться.

Глава 3. А если...

– Женя, ну чего, он уснул?
– Да, удивительно, легко удалось уложить. Я боялась, на рогах будет от новых впечатлений. Но, видимо, устал. А как я устала за сегодня...

– А как я...

– Ну что, опять меряться будем сам знаешь чем?

– Да нет. Просто пойми, я же тоже и за рулём был, и на нервах. Мы оба устали. День был, мягко говоря, непростой. Давай по пивку, что ли? Пойду возьму в холодильнике.

– Ага, я бы тоже не отказалась.

Он разлил холодное пиво по кружкам. Наконец в первый раз за этот день можно просто спокойно вздохнуть. В доме всё необходимое есть, вещи разложены, Саша спит вроде бы крепко.

– Ну что, давай за нас?

– Давай.

Они чокнулись кружками. Наконец наступила тишина...

Она берёт кружку обеими руками, как будто хочет охладить обе ладони. Руки за целый день устали от массы дел, а голова устала от всех мыслей за последние несколько лет. Оба делают несколько глотков. Холодное, почти без горечи, насыщенное... Он закрывает глаза.

«Как же хорошо, когда просто тишина, – думает она. – Когда не нужно куда-то бежать, за всем следить, думать, ничего ли не забыла. Пусть это продлится хоть сколько-нибудь. Пусть он ничего не скажет. Просто пусть будет тихо и... ничего. Хотя...»

Она хмурится и поджимает губы. Лицо, спокойное несколько секунд назад, становится напряжённым. Она пытается прислушаться:

– Никит, ты ничего не слышишь? Какой-то странный звук?

– Нет. Откуда?

– Откуда-то сверху...

– Хм... И правда. А что это может быть? Не пойму, откуда, но точно сверху. Как трещит что-то.

– Да. Или... о Боже, это жужжание. Неужели осиное гнездо где-то... Я боюсь их... И у Саши аллергия сильная. Я, конечно, взяла все лекарства на экстренный случай, но только этого не хватало...

– Да уж... Пойду посмотрю.

– Может, специалиста вызвать?

– Я пока просто посмотрю.

Он идёт на второй этаж, звук становится громче и отчётливее. Да, это правда жужжание. Ощущение, что с чердака. Правда, только этого ещё не хватало. Он ненавидел ос. С детства. С тех пор как однажды упал в куст и его укусили в лицо. Но тут без вариантов. Ещё и фонарик не взял, и телефон, чтоб подсветить. Да что ж такое... А нет, фонарик лежит, кто-то заботливо оставил. Ну что... Надо идти на чердак.

Глубокий вдох. Включает фонарик. В глаза бросается сундук в углу. А выше... Не пара ос. И не случайные знакомые...

Гнездо. Большое. Серое. И в нём движение. И если б осы... Шершни...

Он замер. Рука с фонариком дрогнула. Свет задрожал на гнезде, на этих ползающих телах. В голове пронеслись воспоминания. Куст. Боль от падения. Страх. Боль от укуса. Крик матери. Он молча стоит. Потом аккуратно закрывает люк. А в голове вопрос, достойный Чернышевского.

Он спускается вниз. Она напряжена:

– Ну?

– Всё гораздо хуже, чем я думал. Гнездо. С шершнями.

«Лучше б со змеями», – подумал он про себя.

– Господи... Что делать теперь? Вечер... Кого мы вызовем? А если выползет кто, а там Саша.

Она нервничает, голос срывается. Почти до слёз. Он возмущается:

– Жень, ты можешь обстановку не нагнетать хотя бы? Ты своими истериками хуже Саши иногда. Дай погуглю, посмотрю.

В другой ситуации Жень тоже бы возмутилась, если б он ей так сказал, но сейчас её психика отказалась воспринять его грубость.

Он достаёт телефон и начинает нервно искать. Да понять бы, что делать, а ещё где бы всё это взять. Ага, собственно, средство против, средства защиты: маска, перчатки.

– Чёрт, сколько я пива успел выпить? – вспоминает он, понимая, что не может сесть за руль. – Вроде не больше двухсот грамм. Да нет, рискованно. Только если литр воды залпом выпить, и то не факт, ну его в топку.

Господи, как всё не вовремя, как всегда.

– Если я подожду, я не успею. Магазин в двух километрах. Закроется через час. Короче, я иду туда. Люк я закрыл, они не выйдут. Сама туда не лезь, поняла? И да, прямо сейчас проверь, все ли у нас есть из лекарств.

– Никита, у тебя же тоже может быть реакция сильная.

– Я в курсе. И у тебя. Поэтому и надо проверить.

Она берёт аптечку. Пальцы нервно перебирают упаковки:

– Смотрю. Шприцы, ампулы со всем, что надо, салфетки, антигистаминные, обезболивающие, охлаждающие пакеты. Всё, как врач говорила. Да и вот тут инструкция от неё. Вот детские дозировки, вот взрослые.

– Ну умница... Я пошёл. Если вдруг что-то поймёшь или вспомнишь, не тани, быстро набирай мне. И да, срок годности проверь всё же.

Давно он её так не называл. Даже странно. Неожиданно.

Он вышел, запер за собой дверь. Она осталась одна. В одной из комнат спал Саша.

«А если он не успеет? А если купит, но не то? А если шершни выйдут, а мне самой только от их жужжания и внешнего вида дурно становится? А если Саша проснётся и пойдёт туда, куда не надо? А если его ужалят? А если я растеряюсь и не смогу ничего сделать? А если скорая сюда медленно ехать будет? А если то же самое случится с Никитой? А если мы с Сашей останемся без него? Блин, какая я эгоистка – думаю о себе, как мне в быту тяжело будет, и не думаю о том, что он живой и должен жить, что он просто так мне нужен. А если ещё что-нибудь? Как же меня достало это “а если”».

Она села на корточки и прикрыла глаза руками. В голове были его слова: «Ты своими истериками хуже Саши», «Мне сейчас не до твоей философии», «Можно подумать, ты на него никогда не орёшь, самая терпеливая». Нет, он, конечно, не прав, она не заслуживает таких слов. Как он портит всё своим хамством.

А если это не хамство, а защита? Способ справиться? Не сойти с ума? Она посмотрела в окно на дорогу, по которой он ушёл. Больше всего ей сейчас хотелось позвонить ему, расплакаться, попросить поскорее вернуться, извиниться за свои капризы, за то, что не замечала его – ни как человека, ни как мужчину, – что пусть по-другому, нежели раньше, но всё равно его любит. Но как же это трудно. Она просто взяла телефон. Открыла чат с ним. И просто набрала: «Проверила. Сроки в порядке. Жду».

Отправила. Положила телефон на стол экраном вниз. Через минуту вибрация. Она не смотрит. Ждёт. Ещё вибрация. Он ответил: «Спасибо. Скоро вернусь. Не переживай. Всё будет».

Она читает. Перечитывает. Что-то рвётся внутри, где-то в груди, где-то между сердцем и горлом. Больше эмоций сдерживать не получается. Она плачет. В первый раз за долгое время. Не тихо. Но и не громко, чтобы Сашу не разбудить. С каждой слезой и выдохом уходит тяжесть, граничащая уже с физической болью. Она вспоминает: давно, ещё до Никиты и Саши, в юности, она читала одну книгу. Там была женщина, по сюжету можно сказать, юная девушка, которая кормила грудью чужую девочку, чужого младенца, и это напоминало ей о её собственной трагедии и боли. И там были слова, которые тогда, давно, её задели, но казались странными, а сейчас как будто отражают всю её суть в данном моменте: «Хорошо, когда женщина плачет. Ей нужно плакать. Плохо, когда у женщины нет слёз»¹. И впервые за долгое время она чувствует – он не зверь и не враг, он рядом, как может, он делает, что может, даже если не может она.

¹ Ицхокас Мерас «Ничья длится мгновение».

Глава 4. Хорошо, когда женщина плачет. Ей нужно плакать. Плохо, когда у женщины нет слёз

Шаги. Ключ в замке. Он вернулся. В руках большой пакет. В нём аэрозоль, маска, плотные перчатки.

– Ты уже здесь? Удалось всё достать?

– Да, мне нужно внимательно почитать инструкцию. Не отвлекай меня сейчас, пожалуйста. И там где-то была куртка поплотнее на плохую погоду, найди её.

– Ты сейчас собрался? Никит, темно уже. Как ты будешь? Я боюсь.

– Жень, ты дура или как? Я для чего туда бегал сейчас, по-твоему? А мне не страшно, как думаешь? Конечно, сейчас иду. Тебе хочется, чтобы они ночью вылезли? А если в стенах щели есть, не думала? Даже если я сию секунду обработаю это гнездо, они что, там сразу все сдохнут? Ага, размечталась.

«Ну вот, он всё-таки хам... А я плакала, думала, что он не враг. Хорошо, что я не стала ещё перед ним унижаться своим звонком».

– Ну вот, ты опять.

– Жень, давай сейчас с этим разберёмся, а потом поговорим. Ну правда, не до лирики. Всё, всё потом, потом даже извинюсь перед тобой, если ты так этого хочешь.

Он читает инструкцию. Действие с расстояния шести метров, ага, ну уже лучше.

Она идёт искать куртку. Молча возвращается с ней. Кладет на стол:

– Вот.

Он смотрит на неё. Без гнева. Без злобы. Просто смотрит. Она стоит у стола. Не плачет, но видно, что плакала недавно. Она молчит. Он начинает:

– Жень, я не... Я не хотел. Но если я сейчас начну с этим всем: «Ты права», «Извини», «Мне страшно тоже», я не пойду на чердак. Я не смогу просто.

Она молчит. Он продолжает:

– Я не герой. Я не сильный. Меня не надо хвалить. Я должен. И без вариантов. И если я сейчас начну жевать эти розовые сопли, я сломаюсь. Вам это надо?

Она молчит. Ей всё ещё обидно, но она начинает его понимать. Да, так и есть. Он тоже на пределе. Как и она. Как и все, кто в схожей ситуации.

Его руки дрожат, но перчатки уже на них. Осталось маску надеть. И куртку. И аэрозоль взять как оружие. Ну вот и всё.

– Я иду.

– Нет.

– Ну что опять?

– Не надо. Не надо, чтобы ты был сильным.

– А каким мне надо быть, чтобы тебя это устроило?

– Просто будь.

– Так, всё, потом об этом.

Она кивает. Он поднимается и исчезает в темноте.

Она садится, обхватывает голову руками и затыкает уши. Хочется убежать куда-то от этой реальности, чтобы не слышать это мерзкое жужжание, шум распыления аэрозоли. Впрочем, убежать всё равно не получается – эти звуки отчётливо слышны в мыслях. Да и наяву, несмотря на закрытые уши.

«Хоть бы он какой звук подал, но нет... – думает она. – Вроде бы я слышу его шаг... А сейчас нет... А если какой-нибудь шершень вылетит? Как же хорошо быть страусом: голова в песке – и нет меня. Или как в детстве: глаза закрыл – и нет проблемы. Сколько времени

прошло? Несколько минут всего... Почему так долго? Вроде бы он снова сделал шаг... Ещё один... Или это не он? Или это дерево за окном? Да, это просто ветер... Просто ветер... Просто бесконечный ужас. Я не могу больше...»

Она смотрит в сторону лестницы на чердак, на её первые ступеньки. Потом на время в телефоне. Ещё одна минута позади, медленная и мучительная. Она продолжает слышать шум... и своё собственное дыхание.

«Если он сейчас не спустится, я пойду сама, – думает она. – А если хуже сделаю этим? Он же сказал ждать... Он всегда возвращался... Но если это тот самый случай, когда нет?»

Она встаёт и делает несколько шагов в сторону лестницы. Останавливается и прислушивается.

«Он всё-таки говорил ждать. А я уже не могу ждать. Но я боюсь. Хоть и нет уж сил бояться... Стало тише, вроде... Он закончил распылять? Кажется, да... Точно, да... Жужжание осталось. Понятно, что они не сразу погибают. А если с ним что-то не так?»

Шум закрытия люка. Слава богу, он сейчас спустится. Она его видит. Он медленно спускается. Тяжело дышит. Снимает куртку, маску, перчатки. Бледный. Что у него с рукой?

Он делает ещё шаг. Останавливается. Потирает запястье. Она видит на нём красную точку. И кисть уже отекает. На виске под волосами капля пота стекает к глазу. Он не моргает. Взгляд пустой. Или опустошённый.

– Что?

«Господи, пусть он скажет, что всё в порядке, даже если это неправда», – думает она и быстро качает головой, как будто хочет отмахнуться от этой мысли.

– Укусил, – вздохнув и откашливаясь, отвечает он. – Не совсем плотно изолироваться удалось.

– Только один и в руку?

– Да.

– Тебе дышать не тяжело?

– Вроде нет.

– Голова не кружится?

– Немного. Но рука опухает, и шевелить труднее становится.

Он говорит, но голос у него хриплый, слова срываются, будто цепляются за что-то в горле. Пробует пошевелить большим пальцем – палец шевелится, но сама кисть... Как чужая. Только боль от укуса в запястье вполне себе своя и реальная.

– Я сейчас, – говорит она и скрывается за дверью.

«Чёрт! – думает он. – Чёрт! Я не хочу сейчас об этом думать. Я не пойму, что это – то ли страх, то ли аллергия. А если я скажу ей, а она запаникует, что тогда? А если не скажу и сдохну тут сегодня или завтра? От своей гордости, от шершня, от вообще этой жизни. И она останется одна. С Сашей и его “овцами”. С его миром, непонятным никому. Блин, как же укус этот жжёт... Мне что, кислоту под кожу капают?»

Её руки дрожат, но деваться некуда. Ломает ампулу – что ж она не ломается. Ага, наконец. Набирает шприц, берёт салфетки, возвращается к нему.

– Тебе не хуже?

– Вроде нет.

– Сейчас укол сделаю. Потерпи минуту.

– А у меня есть варианты? – он прикрывает глаза. – Только... не оставляй. Пожалуйста.

– Я никуда не уйду.

Он кивает.

– Давай.

Она делает укол.

– Всё. Больно было?

– Ну как тебе сказать? Шершень больнее кусается. Да нет, нормально.

– Ты как, как дышишь?

– Да ничего.

– Жало достал?

– Ага.

– Сейчас лёд принесу. Что ж я туплю, время теряю.

Льда не было, а вот аптечных охлаждающих пакетиков было много. Всё-таки не зря собралась.

– Блин, я их разбивать не умею. Точнее, сил не хватает. А нет... Разбила. Надо со всей дури только.

– Видишь, можешь же, – улыбается он.

– На, держи, прикладывай.

– Ага.

Он берёт пакетик и пытается приложить к запястью. Получается неловко, пальцы пострадавшей руки дрожат и скользят, он морщится от прикосновения холода к горячей и отёкшей коже. Она видит это:

– Дай я сама.

Она забирает пакетик и сама прижимает его к его запястью.

«Какая же у него горячая кожа здесь, – думает она. – Я даже коснуться не успела».

Он снова морщится, уже сильнее. Она видит, что он сжимает губы. Понятно, что от холода боль острее ощущается.

– Подожди, – она старается говорить тише и спокойнее. – Потерпи. Надо.

Он кивает и не сопротивляется. Кожа быстро привыкает к холоду.

– Ну вот уже терпимее, – говорит она. – Держи таблетку, чтобы боль снять. Я даже боюсь представить, каково это.

Она идёт на кухню. Трогает чайник с водой – вода ещё горячая, не успела остыть. А обычной питьевой воды не осталось, слишком мало взяли с собой, не до неё было...

«Всё, как всегда, “вовремя”», – думает она и открывает кран. Наполняет стакан и возвращается к нему.

– Спасибо, – кивает он, забирая стакан. Несколько секунд смотрит на неё, и их взгляды встречаются. Он опускает глаза, ещё раз кивает и повторяет, но уже намного тише: – Спасибо.

Она садится рядом. Лицо безучастное. Смотрит на его руку, трогает её. Отёк нарастает. Кожа горячая. Но дышит ровно.

– Тебе не хуже? Может, скорую?

– Да нет, норм.

– Просто так воду пей. Я ещё принесу.

Она сидит рядом. Держит его руку. Не для проверки, не для контроля. Просто держит.

– Ты молодец!

Он молчит и слегка улыбается одним уголком губ. Одним движением пожимает плечами.

– Не факт, что всё получилось, – начинает он после паузы. – Завтра проверить надо. И гнездо это к чёрту выбросить. Или они сами о себе дадут знать. Но... всё же надеюсь, что нет.

– Я с тобой пойду.

– Ты же боишься их как не знаю чего.

– Ты тоже, и что?

– Ну сейчас уже не так должно быть опасно. Мала вероятность, что кто-то ещё есть.

– Ты молодец! Что просто... остался.

Он не отвечает. Просто слегка сжимает её пальцы. Рука шевелится, отёк перестаёт увеличиваться. Боль пульсирует, но уже чуть тише. Он смотрит на неё:

– Спасибо, – тихо говорит он.

– Да ладно, – говорит она. Её голос тоже тихий. Но уже не безжизненный. Какие-то новые нотки в нём всё же есть. Потом продолжает:

– Ты бы в такой ситуации сделал бы то же самое.

– В какой? – нахмурившись, не сразу спрашивает он.

– Ну если бы я была укушена. И аллергия развивалась.

Он вздрагивает и быстро качает головой. Пальцы по-прежнему продолжают сжимать её руку. На секунду он сжал их сильнее.

– Ну не знаю, – шепчет. – Наверное.

– Не наверное. Ты уже однажды и Сашу спас. Год назад примерно, когда я на маникюр ходила, а его оса укусила. Ты не растерялся. Хотя, конечно, хорошо, что я заставила тебя мат-часть выучить, хоть ты и не хотел. Тебя даже врач потом похвалил.

– Ну там было почти безвыходно. Скорую-то я вызвал, но до неё что-то делать было надо. Я б сам себе потом бы не простил и тебе бы в глаза не смог смотреть.

– А если б моя жизнь под угрозой была, это было бы «выходно», – улыбаясь, произносит она и замолкает. Смотрит на его руку и на пакетик со льдом, в котором уже образовалось приличное количество воды. Потом переводит взгляд в сторону, и он останавливается на невыброшенном шприце, лежащем на столе. Поджимает губы, хмурится и, вздыхая, произносит:

– Кстати, мне завтра-послезавтра это тоже предстоит.

– В смысле? – теперь уже хмурится он, пытаясь найти пространство для юмора. – Ты пчелолечение пробовать собралась? Или умирать?

– Ага, а ещё я дура, – усмехается она и, заметив, что он отвёл глаза, продолжает: – У Алёны на приёме была. Курс инъекций назначила. На две недели.

– Ты делала уже раньше?

– Да. Сама, всегда сама.

– А теперь?

Она не отвечает сразу, только снова в сторону отводит взгляд. Молчат оба. Он тоже смотрит на шприц. Потом на неё. Потом на её руку в своей руке. В голове – картинка: она одна, в руках шприц с открытой иглой и капелькой лекарства на острие, и её нерешительность и страх. В реальности он этого не видел никогда, но предполагал, что так и было.

А она вспоминает, как стояла перед зеркалом со шприцем в пальцах и мыслью в голове: «Просто сделай. Давай уже». Как в первый раз боялась воткнуть иглу слишком глубоко или вовсе сломать её. Как боялась выронить шприц с лекарством. Как боялась предстоящей боли от его введения. И как каждый раз думала: «Когда же я уже перестану бояться?». А потом... Просто брала и колола. И пусть так. Зато никто не видел её слабой и уязвимой.

– Теперь, – говорит она тише и, на мгновение задумавшись, продолжает: – Не знаю. Вероятно, тоже.

Они продолжают сидеть и молчать. Где-то в доме во сне Саша что-то бормочет. Не хватало только, чтобы он проснулся сейчас. Хоть бы обошлось.

Она смотрит на укус. А всё-таки он, правда, молодец – пошёл туда, хоть и боялся сам. И с Сашей год назад не растерялся. Стройный, почти подросток, с тонкими запястьями и вечно растрепанными волосами. Не просто ж так паспорт спросили, когда пиво покупал. Хоть ему и тридцать три, выглядит молодо. А внутри столько силы. Всё-таки это лучше, чем даже самые лучшие слова без действий.

«А я к нему лезу с его грубостью, хамством, без конца к нему с этими дурацкими намёками пристаю, – думает она. Дыхание учащается, в щеках становится жарче, взгляд опускается вместе с головой. – Как же хочется сказать “извини”. Как это сказать и не расплакаться? За то, что не верила и не видела. За то, что считала его толстокожим хамом. А он просто пытался выдержать. За эти измерения, будь они неладны. А вдруг он просто отвернётся? А вдруг просто скажет: “Да ладно, забей”?»

Она молчит и просто смотрит в пол. Он видит, что она что-то хочет, но не может. Пальцы дрожат, колени сжимает. Плечи напряжены, как будто ждут удара. Он понимает, что она ждёт, чтобы он сказал первый.

«Блин, как же это всё невовремя. Что мне делать?» – думает он, открывая рот, чтобы начать говорить, но тут же закрывая его. Слова как будто застревают. Или голос выключается. В голове всплывают слова его матери: «Ты такой же агрессивный, как и твой отец!» – жестокие и обличающие.

«А отец был агрессивный... Был ли? Или так защищался этим? Или хотел что-то этим доказать или получить? Зачем я об этом думаю сейчас?»

Он закрывает глаза. Вздыхает и сглатывает. Дышать становится труднее, но это не аллергия.

«Зря я называл её дурой. Вообще не слежу за словами. Да и не только за ними. И с претензиями по поводу секса к ней зря. Понятно, что она устаёт и не до этого. Хотя, действительно, когда в последний раз было нормально? Полгода назад? Год? Не в спешке, не между делом? Не когда один уснёт, а другой думает, будить ли или нет? Да и понятно, кто уснёт, а кто думает. Когда мы в последний раз... просто были? Понятно, что ей нелегко. Мы оба устали. Но что я ещё могу сделать? Если бы она ещё что-то понимала...»

– Никит? – тихо и неуверенно произносит она.

– Мм? – вздрагивает он и поднимает глаза.

Их взгляды встречаются. Несколько секунд молчат оба. Она вздыхает, он видит, как тяжело поднимаются её ключицы. Потом она спрашивает просто и буднично:

– Ты... нормально себя чувствуешь?

Он молчит и продолжает на неё смотреть. Она опускает глаза.

«Понятно, что это не про укус, – думает он. – Она же видит, что со мной всё более-менее. Вопрос ради вопроса».

– Да вроде... ничего, – отвечает он. – Болит, конечно. Но было бы странно, если б иначе было.

Она медленно кивает.

«Ну вот, я тоже... ответил ради ответа. Но надо не ради. Блин, если б я умел это говорить. Одна мысль произнести это слово сжимает глотку так, что не сказать и не вздохнуть. И все слова забываются. Но надо как-то сказать... Я хочу и не могу... Но в то же время... я же обещал... В шутку, что ли, перевести? Да ну, бред...»

Она ещё раз кивает. Снова их взгляды встречаются. Она пытается улыбнуться короткой, едва заметной улыбкой, даже не улыбкой, а мимикой. Снова отводит глаза и, кажется, готовится перевести тему. Так обычно бывает. Но в этот раз он не даёт.

– Жень, – с трудом начинает он, плохо подбирая слова и в то же время стараясь сказать это побыстрее. – Я не про руку... Просто... Короче, извини... За дуру. За то, что наорал. Днём нахамил. Я просто... устал... И испугался. В общем... прости.

Она выдыхает и с выдохом даёт выход слезам. Крупным и тихим, без всхлипов. Наконец становится чуть легче. Он и сейчас не отвернулся. Снова сделал всё за неё.

«Блин, может, я зря затеял этот разговор, – думает он. – Она хотя бы не плакала. А тут снова ковырнул больное».

– Жень, ну не плачь... Пожалуйста...

Она быстро качает головой, а слёзы продолжают течь по щекам.

– Никит, я не из-за этого, – быстро говорит она.

– Что тогда?

– Я... – начинает она, обеими ладонями смахивая слёзы. – На самом деле я хочу сказать то же самое. Я не замечаю тебя, а должна. Хочу от тебя какой-то особой заботы, поддержки, нежных слов. Постоянно что-то жду. – Она замолкает, снова стирает слёзы, сглатывает. – А ты

не говоришь, но делаешь... А я... Прости... Как бы мы сегодня справились, если бы не ты. Да, и прости, что я без конца про эти... половые органы говорю, что ты меряешься ими.

Он смеётся и тоже выдыхает:

– Дурочка...

Но без злобы. А с каким-то облегчением, с чем-то новым. Хотя в голову ему пришло другое слово. Но тоже без злобы. И кажется, сейчас Саша во сне повторил именно его.

– Слышал? – улыбается она.

– Слышал, – отвечает он.

«Овца». То самое слово, которое Саша со злостью произнёс днём. А сейчас – во сне, и без неё.

Он тянется к ней. Не обнимает. Просто кладёт руку ей на колено, словно проверяя, можно ли. Она не отстраняется, накрывает его руку своей ладонью. Теперь две руки. На одной – укус, отёк, боль. На другой – дрожь, усталость и слёзы. И между ними молчание, в котором «мы ещё здесь».

– Да, Жень... – он чуть отстраняется и проводит ладонью по лицу. – На чердаке есть кое-что любопытное. Я обратил внимание, когда ещё первый раз там был.

– Что там ещё? Змеи?

– Да нет. Пока не так мрачно. Не знаю. То ли коробка, то ли сундук. Разглядывать не мог, сама понимаешь, что я там делал. Но почему-то мне кажется, надо посмотреть. А вдруг клад. Шучу, конечно. Посмотрим завтра?

– Не знаю даже. Зачем нам это?

– Ну интересно же.

– Да уж, первые сорок лет детства мужчины – самые трудные. А тебе и до сорока ещё ого-го.

– Ну пусть так это называется, но надо посмотреть всё равно, – говорит он, широко зевая и пытаясь побороть сон. – Давай, наверное, спать, меня от укола в сон клонит невероятно.

– Ага, а сам философствует при этом. Ещё меня ругает за это.

Он пытается встать, но не особо получается. Слишком уставший. Рука всё ещё горит.

– Подожди, – говорит она. – Тебе нельзя просто так лечь и заснуть. Давай ещё посидим.

– Да ладно, – отвечает он. – Острой реакции же нет. Вряд ли уже теперь появится. Ну и не умру я от одного шершня.

– Кто тебя знает? Ты не можешь объективно оценивать ситуацию. Сядь.

– Жень...

– Сядь.

Он садится. Не сопротивляется. Даже удивительно.

Она меняет пакетик на новый. Снова холод, снова неприятно, но он не отстраняется. Даже не морщится. Только закрывает глаза.

– Спасибо, – шепчет он.

Она не отвечает. Просто касается его, как бы проверяя: «Ты здесь. Я здесь. Мы всё ещё – мы».

Минут через пятнадцать он засыпает. Она продолжает сидеть рядом. Прислушивается. В соседней комнате ворочается Саша. Потом тихо говорит:

– Мама... овца...

– Да, сынок, – улыбается она.

– Папа... овца...

– Ну ладно, так тоже можно, – уже смеётся она.

Она снова плачет. Тихо. Не пытаясь сдерживаться. Теперь она отчётливо понимает, почему когда-то в той книге было написано: «Хорошо, когда женщина плачет. Ей нужно плакать. Плохо, когда у женщины нет слёз». Теперь она знает. Всё так. И пусть так и будет.

Глава 5. Что-то для нас. Если нет – станет нашим

Утро. Он сидит за ноутбуком и напряжённо смотрит на экран и что-то печатает. Иногда потирает виски. Лоб горячее обычного. Отёк остаётся – куда ему деться за ночь. Рука, хоть и не как вчера, но продолжает болеть, особенно если касаться укуса. Но он молчит. Надо сделать задание.

Саша в песочнице рисует палочкой на песке. Хаотично, ничего осмысленного, ни кругов, ни линий, больше какие-то спирали. Ну ладно, ему так комфортно. Она готовит завтрак.

– Ты йогурт или яичницу будешь? – спрашивает она.

– Не знаю, – хмурится он и пожимает плечами. – Что-нибудь сделай, что проще. И кофе налей, пожалуйста.

– Ты уже работаешь так рано?

– Ага, как видишь. Срочный баг исправить надо.

– Я твой сленг, наверное, никогда не выучу. И что, прямо так срочно?

– Да. Не сделаю до обеда – в угол на горох поставят. Но вроде тут быстро.

Она подходит к нему. Смотрит на его руку:

– Ты как сейчас?

– Болит, но печатать можно. Ну и так состояние паршивое слегка, лихорадит как будто. И голова тяжёлая. Но терпимо. Сейчас я всё сделаю, потом поговорим, ладно?

Она трогает его лоб. Больше, чем просто тепло. Не жар, но точно не прохлада. Субфебрильная, но есть.

– Никит, только давай в героев играть не будем. Если до обеда станет хуже или не станет лучше – едем к доктору, ладно?

– Жень, куда мы поедem?

– Посмотрим, что ближайшее.

– Да это нормальная реакция.

– Никит, дай хотя бы укус сфотографирую, Алене отправлю, ну подруге моей. Она же врач. Пусть хотя бы она что-то скажет.

– Ладно. Фотографируй. Не отвлекай меня сейчас только, плиз.

– Отвлеку. Градусник возьми. Температуру измерь. Чтобы я всё ей показала.

Он вздыхает, но берёт градусник. Хотел выразиться неприлично, но промолчал. Градусник в подмышке, глаза прищурены, пальцы всё ещё бегают по клавиатуре, хотя движения замедлились. Через десять минут достаёт:

– Ну что?

Он смотрит, морщится:

– Тридцать семь и два.

– Дай, сама посмотрю.

Она берёт градусник. Да, действительно не обманул.

– А хорошо держал?

– Жень, ты всё видела.

– Ладно, вроде не критично. Но Алене пишу всё равно.

Она выходит в сад, идёт в беседку, открывает чат с подругой-врачом. Пишет коротко, без лишнего накала:

«Никиту шершень укусил вчера. Укол сделала по схеме, что у меня была на случай аллергии, ты её видела. Температура 37,2 сейчас. Отёк сохраняется. Фото прилагаю. Что делать дальше?»

Прикрепляет фото укуса.

Примерно через десять минут получает ответ: «Жень, привет! Наберу?»

Она решает позвонить сама:

– Да, Алёна, привет!

– Привет, ну вы даёте! Это вчера случилось?

– Да, вечером поняли, что на чердаке гнездо с шершнями. Зная возможную Сашину реакцию, Никита решил не ждать.

– Дышит нормально, на лице отёка нет?

– Нет, с этим нормально.

– Ну ребят, конечно, рискованно. А если бы не один укусил, а если куда-нибудь в лицо или шею? Он хоть как-то себя защитил?

– Да, маску взял в магазине специальную, в перчатках был. Но вот в запястье укусил, видимо, не всё изолировал.

– Дозировку вчера не перепутала?

– Нет, всё точно. Проверяла.

– Ну что тебе сказать, – голос Алёны становится мягче. – Это стандартная местная реакция. У кого-то сильнее, у кого-то слабее. Небольшое повышение температуры возможно. Главное – нет анафилактического шока. Сейчас – симптоматика, антигистаминные, включая местные обезболивающие. Наблюдай. Если до завтра лучше не станет – к врачу всё же идите. А так – пусть воду пьёт больше и не утомляется. Пока всё правильно сделали, молодец, что не теряешься. Пусть поправляется быстрее. И ему скажи, что он молодец, не каждый так решится. Хотя... больше так не делайте. Или готовьтесь к такому лучше.

– Спасибо, – шепчет она. – Спасибо, что ответила.

– Да ладно. Всё свои. Мы же почти с детства дружим с тобой. Если что, звони. Даже ночью.

Она завершает разговор. Сидит. Просто держит телефон. Экран гаснет. И приходит странное ощущение. Не радости и не покоя. Как будто бы какое-то освобождение.

«Как же хорошо, что есть нужные люди рядом. Даже если не рядом физически», – думает она.

Она возвращается к нему и садится рядом:

– Алёна сказала, что не страшно. Сейчас таблетки выпей и будем наблюдать. Но если ты почувствуешь что-то не то, пожалуйста, не скрывай, не обманывай меня. Это не ерунда. К врачу и без вариантов, хорошо?

Он смотрит на неё с усталостью и облегчением:

– Ну слава богу. А то потащила бы меня в клинику. Я тебя знаю.

– Никит, не смешно. Пообещай, что если хуже себя почувствуешь, скажешь сразу.

– Ну что мне, на крови поклясться?

– Никит...

– Ладно, шучу. Я уже закончил. Давайте уже завтракать. И лекарства дай.

– Ага, сейчас принесу. Сашу только из песочницы позову. Это может быть непросто.

– Давай я. Подышу немного заодно.

Он встаёт неуверенно, слегка покачиваясь, и идёт в сад к песочнице. Садится рядом, смотрит на Сашины спирали. Саша не реагирует на него и продолжает выводить свои абстракции. Он берёт палочку и рисует человечка:

– Саша, кто это?

– Дядя.

– Ну не знаю. Может быть, и тётя, – улыбается. – Давай вместе.

Берёт руку Саши в свою. И начинает, проговаривая:

– Смотри, вот круг – это голова. Видишь? Что это?

– Круг.

– Теперь овал. Это туловище. Что это?

- Овал.
- Молодец. Теперь. Палочка. Ещё палочка. Что это будет?
- Ручки.
- Супер! Дай пять!

Подставляет ладонь здоровой руки. Саша шлёпает по ней.

- А ножки сам нарисуешь? Давай, попробуй сам. – Он отпускает Сашину руку.

Саша снова беспорядочно начинает рисовать спирали. Палочка скользит по песку. Никакой связи с человечком, просто ритм, понятный только ему. Отец не настаивает. Сидит рядом и просто смотрит.

«Хоть бы когда-нибудь, хоть что-нибудь, – думает он, и тут же в голову приходит другая, жестокая мысль, на которую нет ответа, но от которой сжимается горло. – А если никогда ничего не будет? Если всегда будут только спирали?»

- Вы что там так долго? – слышен из дома крик Евгении.

- Да, сейчас уже идём. Саша, идём завтракать.

- Нет.

– Ну я знаю, что ты умеешь «нет» говорить. Но надо. Пошли. А потом пазл соберём, хочешь?

- Хочешь, – опять эхом.

Никита не поправляет. Для него это уже привычно. Главное – не «нет», и все друг друга понимают.

- Тогда идём.

- Нет, не хочешь...

Да что ж делать теперь? Только бы истерики не случилось.

– Саша, надо. Пойдём позавтракаем, соберём пазл. С чем хочешь? С Маугли или с Котом в сапогах?

– Котом в сапогах, – снова эхом отвечает Саша. Его не интересуют сказки, не интересуют сюжеты. Для него это просто картинки, какие-то фрагменты. А сейчас ему комфортно здесь и никуда не надо, даже завтракать.

- Ну пошли.

Берёт сына за руку. Саша нехотя поднимается, но бурной реакции нет. Фух, пронесло на сей раз. Удалось договориться, кажется.

Они возвращаются. Женя уже всё приготовила: для себя и Никиты – кофе, для Саши – какао, он его всегда пьёт с удовольствием. Яичница с беконом и Сашина каша уже успели слегка остыть.

– Господи, остынет же всё, – она ставит чашку перед мужем и вопросительно смотрит на него. – Что вы там так долго делали?

- Рисовали. Дядю или тётю. Я сам не решил, кто это. Ну, в общем, кого-то.

- И Саша рисовал?

– Ну как мог. Ну и пусть. У него нет целостной картины в голове, мне кажется. Линии отдельно, круги отдельно, человечек отдельно.

– Ну так и есть, он мыслит фрагментарно. Мне говорила об этом одна из его педагогов. Не знаю, может быть, пытаться на ходу что-то придумывать и импровизировать. Пытаться вызывать в его голове какие-то образы. Типа он круг нарисовал, закорючку подрисовали – типа яблоко получилось. Кстати, Саша, яблоко хочешь?

- Яблоко хочешь, – снова эхом отвечает Саша.

- А меня что не спрашиваешь? И я хочу, – добавляет Никита.

– Ну вот, что делать с этой эхоталией? Сколько ни бейся, а она есть. Ладно, я сейчас яблоки принесу.

А за окном светит солнце. В песочнице следы от палочек, спирали, один человечек и другой человечек без ног. И тишина. И никто не торопит. Ну, относительно хотя бы. Ему всё равно работать приходится. Слава богу, с интернетом в этом доме повезло.

Она тем временем режет яблоко на кухне. Не идеально – одна долька ломается. Неважно. Это на вкус не повлияет. Кладет дольки на три блюбочка и приносит в гостиную.

Ставит блюбочко перед Сашей. И спрашивает у него в надежде получить правильный ответ:

– Саша, сколько здесь кусочков?

– Один, два, три, четыре...

– Стоп. Где четыре? Давай ещё раз вместе.

Берёт палец Саши и, показывая им на каждую дольку, начинает считать:

– Один, два, три. Видишь, здесь три кусочка.

– Жень, – прерывает он её. – Давайте просто поедим. А то обещала яблоко, а сама в итоге занятие устраиваешь.

– Тут ты неправ, – слегка укоризненно смотрит на него она после небольшого замешательства. – В быту же тоже нужно учить его. Иначе зачем ему всё это? Он так и не поймёт, зачем ему считать. Просто счёт палочек – для него такая же абстракция, как для нас формула Бине – Коши, особенно для меня. Или как она там называлась? Ты мне рассказывал, что в институте была у тебя формула с доказательством на восемь листов А4. Я правильно назвала её?

– Да. Именно она.

– И что ты из неё помнишь?

– Название помню, – улыбается он. – И только его. Ну и факт доказательства на восемь листов А4. Всё! Удивительно, что ты помнишь по моим рассказам.

Он замолкает. Смотрит на неё, потом на Сашу. Берёт дольку яблока:

– Ну потом как-нибудь, – добавляет он. – Обязательно. Давайте только сейчас без занятий. Просто спокойно поедим. Жень, ты мне таблетки, кстати, не дала.

– А сам чего не взял?

– Ну дай, пожалуйста.

Она приносит ему таблетки и воду. Они продолжают завтракать. А за окном по-прежнему солнце, и только птицы нарушают долгожданную и какую-то по-особому неповторимую тишину. Ту самую тишину, которую они заслужили вчера.

– Никит, – прерывает молчание Женья.

– Да?

– Ты что-то вчера про какой-то сундук говорил.

– Да, помню.

– Ну и что, энтузиазм не прошёл?

– Конечно нет. Только утоплю гнездо это в кипятке, будь оно неладно. И вместе посмотрим.

– Да иди ты нафиг со своим сундуком, делать мне нечего. Что тебя он вообще так интересует?

– Не знаю. Не могу объяснить. Но чувствую, что надо. Мне кажется, всё неслучайно. Может быть... там что-то для нас, если нет – станет нашим.

– О Господи...

– Ну интересно мне.

– Ладно.

– Я только сейчас поработаю немного, вдруг что-то ещё поломается. Ты Сашей займись пока, я ему пазл обещал, пособирайте. Да, и ведро с кипятком подготовь, плиз.

– О, какой ты благородный, дал слово – держишь. Почти сам. Думаешь, Саша помнит?

– Я не знаю. Ну а вдруг помнит? Ему тем более нельзя давать ложных обещаний. Фиг ты потом его чем замотивируешь.

– Ну тоже верно. Ладно, завтрак закончен. Саша, давай тарелочки соберём и отнесём на кухню. Помоги мне.

Саша продолжает сидеть, взгляд напряжённый, но вполне осознанный.

– Саша, давай вместе...

– Печеньку, – выдаёт Саша.

Она вздрагивает.

«Нет, только не это и не сейчас. Я забыла эти его печенья, чем я дома мотивировала его есть кашу. Он благодаря им ест её быстро, научился так. Как же теперь ему объяснить?»

– Печеньку, – повторяет Саша. Голос ровный, но в нём уже звенит ожидание.

– Никит... Я идиотка. Я только сейчас поняла, что забыла дома на столе его печенья. Ну ту самую мотивацию к каше. К обеду и ужину – другое, а вот здесь только это. Что теперь будет?

– Блин, Женя... Ну не знаю, давай попробуем объяснить и пообещать позже. Ну или другое предложить.

Она наклоняется ближе к Саше, берёт его за руку и пытается посмотреть ему в глаза. Он снова их отводит.

– Саша, – начинает она. – Так получилось. Сейчас печенья нет. Закончилось. Но я обязательно их куплю. А сейчас... банан хочешь?

– Не хочешь! – вскрикивает Саша. – Печеньку!

– Саша, но нет их! – Женя тоже повышает голос, срываясь на тон, которого она сама боится. – Что хочешь вместо? Банан, яблоко ещё?

– Печеньку!!!

– По ходу, моря крови не миновать, – тихо говорит Никита без юмора и с констатацией.

– Саша! – резко сказала Женя. – Сейчас никакого печенья. Мы собираем тарелочки и относим их на кухню. Давай руку.

– Не хочешь!!! – продолжает кричать Саша.

Истерика. Не каприз. Слом. Женя резко берёт Сашу за руку, чтобы он встал. Саша пытается оттолкнуть её. Взмах руки – и её волосы оказываются в его кулаке. Рывок.

– Ай... – резко вскрикивает она.

В эту же секунду зубы впиваются в предплечье. Рефлекторно она отдёргивает руку. Клок волос остаётся в его пальцах. Он уже тянется к ней снова, рычит, бьёт ногами по полу. Никита резко срывается и пытается его схватить, но Саша сильный, даже в свои шесть лет. Он отпихивает его и хватается обеими руками Женю за кисть. Никита обхватывает его так, чтобы зафиксировать руки. Не сжимает, не душит, просто держит. Только голова и рот с попыткой укусь, и ногами пытается пинаться.

– Ай... Вы оба, что ли, совсем? Вы мне ноготь наращенный оторвали. Блин, больно!

Никита слышит, но до конца не понимает. Он пытается увести сопротивляющегося Сашу. А это непросто: он кричит, вырывается и пытается укусь его. Но Никита держит его крепко.

«Только бы меня не укусь поверх шершня. Как-то совсем тяжело будет».

– Саша, не ори! – рывкает Никита. – Сейчас по жопе дам.

Саша замер и замолчал.

«Зачем я так? Я же не собирался. И не делал этого никогда. И она тоже, наверное. Хотя в такие моменты... Да и вряд ли он понял, о чём я. Просто моего крика испугался. Господи, как же сложно всё это».

Заводит сына в его комнату. Саша стоит. Не кусается, не дерётся. Лицо мокрое от слёз. От всхлипов содрогается. Никита не присаживается к нему, просто наклоняется:

– Сиди здесь!

Ждёт, пока он хоть немного успокоится. И возвращается к ней. Она сидит за столом, закрыв лицо руками, плечи дрожат от слёз. С мизинца левой руки свисает оторванный ноготь, кончик пальца алый от крови. Он подходит к ней, не зная, что сказать или спросить:

– Я увёл его в его комнату. Вроде тихо.

Она не отвечает.

«Сколько же может это продолжаться. Я его носила, рожала, кормила, не спала ночами, занимаюсь с ним, лечу, пытаюсь как-то его вытянуть. И что? Чтобы ходить покусанная, без волос, без ногтя?»

– Жень...

– Да отвали ты от меня!

– А я тут при чём? Это я тебя укусил? Я вот увёл его, я пытался что-то сделать. Ты зачем вообще эти ногти нарастила сюда? Кого тут очаровывать собралась?

Она поднимает теперь уже своё мокрое и красное от слёз лицо на него. Глаза полны злобы и горечи, всё это смешано в один плотный ком:

– А я хоть на что-то в этой жизни имею право? Я что, уже не женщина? Я себя этими ногтями уже порадовать не могу? Я постоянно хожу по этим занятиям, выслушиваю очень «оптимистичные» прогнозы. Ты уходишь в свою работу, и тебе классно там, а я в этом всем постоянно.

– Мне классно?

– Да. Тебе! Не мне же. Ты хоть раз задумывался о том, что я чувствую? Как я устаю? Как я всё время балансирую между его стабильностью и вот этим? Думаешь, порисовал с ним человечка в песочнице – и всё уже, молодец?

– Зачем ты вообще эти печенья придумала?

– А как мне нужно было научить его есть эту кашу?

– Да я-то откуда знаю? Она ему сдалась вообще эта каша? Другое на завтрак ничего придумать не смогла?

– Конечно, ты же у нас программист крутой такой, умный. Это я дура такая, с кашей разобраться не могу. И вообще, дура, ты вчера правильно сказал. Только у тебя ни в голове, ни в жопе не укладывается, как его учить самым элементарным вещам. Сам же сказал: «Я откуда знаю».

– Всё верно, Жень. Ты права на все двести. У меня ничего нет – ни там, ни там. И я ни хрена не сделал для вас.

Он замолкает.

«Блин, я не знаю, сказать ей об этом или нет. Но сколько можно уже молчать и делать вид, что так и надо?»

Он молчит. Тяжело дышит. Сглатывает. У него увлажняются глаза.

– Жень, а помнишь, что у меня была почти написана диссертация, что я преподавал в универе, что меня звали «Никита Андреевич», что я лекции читал и чувствовал себя на своём месте? А потом всё это бросил, потому что резко стали нужны деньги, когда выяснилось, что с Сашей что-то не так. И сижу теперь над этими кодами. Зашибись, как классно.

Она смотрит на него широко открытыми глазами. Непонятно, что в них: обида? удивление? смущение? вина?

«Блин, зачем я это сказал вслух? Это же был всё-таки мой выбор. А если она сейчас психанет?»

– А что, я, по-твоему, не отказалась от карьеры?

– А я?

– Опять ты меряешься...

– Стоп, – перебил он её. – Ты вчера за что извинялась?

– Вот как? – громко говорит она. – Тогда я забираю свои слова обратно.

– А... Вот оно что, – с усмешкой говорит он. – Тогда я...

Он замолкает.

«Стоп. Кто-то же в истории должен быть взрослым. Видимо, кроме меня, некому».

– А я не отказываюсь от своих.

Она замирает.

«Ого, неожиданно как. Я думала, он скажет, что тоже забирает. Но он по-прежнему не понимает ничего. Мне претензии выставил за ногти и за печенья».

– А я тебя не прощаю, – холодно заявляет она.

Он секунду молчит.

«Ну что ж, её право...»

– Ну и не прощай, если так решила.

Они оба молчат.

«Господи, правда, зачем я с ним так? Я думала, он выбрал работу. А он выбрал нас».

«Зря я ей про это сказал. Очень зря. Она теперь будет думать об этом. Да даже сейчас выпендривается с этим непросщением – наверняка из-за этого. Ведь так проще. Держал бы это в себе. Блин, она стоит со своим окровавленным пальцем, а я тут выясняю что-то...»

Он выходит. Она остаётся одна. В голове рой мыслей.

«Ну всё, я его, конечно, сильно обидела сейчас. Отказалась от вчерашних извинений, а он – нет. Унизила его тем, что сказала, что не прощаю. Но он меня сейчас оставил здесь одну – с ногтем, с куском. Да, и с выдранными волосами».

Он возвращается. В руках – ножницы, перекись, пластырь и охлаждающий пакет уже разбитый:

– Отрежь ноготь. Что на него смотреть теперь? Тебе помочь?

– Я сама, спасибо.

– Как скажешь.

Она обречённо берёт ножницы, пытается аккуратно срезать ноготь, висящий на куске кожи. Больно всё равно. И перекись печёт сильно, хотя обычно нет. Но тут и ранка посерьёзнее. Она морщится, сжимает зубы.

– Блин, я, конечно, представляю, если бы мне так оторвали. Свой-то цел, покажи?

Она показывает ему руку. Родной ноготь тоже частично оторван. Он прикрывает ладонью глаза:

– Ужас...

– Согласна.

– А с куском что? – берёт её руку. Там большое красное и уже с синевой пятно со следами зубов и небольшой кровоподтёк. – Блин, это... Я даже не знаю, что сказать.

– Так всегда.

– Да я знаю. Сама обработаешь? Или помочь всё же?

– Я всё сделаю.

– Хорошо. Палец заклейте. А я пошёл.

– Куда? Ты же работать собирался.

– За печеньками.

– Никит...

– Что?

Она молчит. Сглатывает:

– У тебя сигарет нет?

Он вздрагивает:

– Чего у меня нет?

– Да я знаю, что ты куришь втихаря. Я тоже хочу сейчас.

У него нервный смех.

«Вот он, момент истины. Мне всегда было интересно, в какой момент кто-то из нас спалится явно и как это будет выглядеть. Ну ладно».

– Да я про тебя то же самое знаю.

– Ну я так, балуюсь.

– Считай, что я тоже. Вот как мы друг от друга прячемся и друг друга бережём. В плохом смысле.

– Ну так есть?

– Сейчас нет, – отвечает он и, помолчав несколько секунд, спокойно добавляет: – Но вообще, Жень, я бы не хотел, чтоб ты курила. Не потому что я такой правильный – тут сам отказаться не могу из-за всех этих нервов. Но мы так и не можем выяснить, что у тебя со здоровьем, тоже ведь проблемы есть. Алёна же тебе эти уколы не просто так назначает. Сейчас куплю, но одну-две только дам тебе, поняла? Без обид.

– Ладно.

– И это... Может, всё-таки простишь?

– Никит... Я ж это так сказала. По глупости.

– Ну ладно. А то так умру непрощённым.

– Ну прекрати.

– Ладно. Иди к ребенку. Я быстро. И потом займись им основательно, мне правда поработать надо будет.

Он уже стоит в дверях, чтобы выйти.

– Никит...

– Ну что ещё?

– Никит. Я... Я забираю назад не вчерашние слова. А сегодняшние.

Он молчит. Улыбается. Посылает ей в воздух поцелуй.

Глава 6. С сигаретой, которую я не закурю при тебе

Он возвращается. В руках пакет. В пакете печенье. Разные. Одни для Саши. Другие для неё. Он помнит, какие она любит. Две пачки сигарет. Одна новая, вскрытая. Другая его старая, слегка помятая, там всего две. От пальцев тянет дымом.

Она сидит за столом. Глаза опущены. На руке огромное пятно. Пока ещё не совсем синее. Саша в своей комнате тихо шуршит пазлом.

Он ставит пакет на стол и ничего не говорит. Открывает ноутбук. Проверяет рабочие письма.

– Ты курил? – спрашивает она.

Не резко. Не с обвинением. Пусть просто скажет.

Он замирает. Смотрит на свои пальцы. Слегка улыбается. Без оправданий:

– А как ты думаешь?

Она кивает. Без осуждения.

«Он тоже выживает, как может. И цепляется за что-то».

Он молча достаёт помятую пачку с двумя сигаретами и отдаёт ей.

– Держи. Если поможет. Но немного. Ты помнишь, о чём мы договаривались. Я не хочу, чтобы ты была правильной, сильной, вкусно пахла и прочее. Я хочу, чтобы ты была жива. Меня самого тошнит от этих правильных мальчиков-спортсменов. Не про это речь. Просто мне нужны твои здоровье и жизнь. Ты меня понимаешь?

– Да. Спасибо. Саша там пазлом занят. Я отойду. Не хочу при тебе.

– Я понял. Пока поработаю. Не торопись.

Она выходит. Садится на скамейку. Закуривает не сразу. Смотрит на песочницу, на спирали, на человечка без ног. Достаёт зажигалку. Щелчок. Затягивается глубоко. Как будто это не дым, а воздух после ныряния.

Он стоит у окна и смотрит. Потом отворачивается. Садится за ноутбук. Не хочет, чтобы она заметила, как будто он подсматривает.

«Что же это такое... Я знал, что будет тяжело, но чтобы именно так... Что мы будем по разные стороны стекла, а я смотреть, как она цепляется за дым, потому что больше не за что.

Я курил по дороге. Не одну. Две. Третью потушил почти у дома. Да, я тоже не выдерживаю. Внутри всё давит. И это не снять ничем: ни работой, ни сексом, которого всё равно, по сути, нет, ни тем, что я выговорил всё, что копилось.

Но... Сейчас я понимаю, что, если я начну курить при ней, это будет... конец. Потому что каждый раз, когда я буду доставать сигарету, она будет тоже хотеть, чувствовать себя слабой, просить меня, сдаваться. А я не хочу так. Ей нельзя. На ней много всего. Это я могу уйти, типа поговорить по работе. Сказать: мне надо. А она нет. Пусть курит одна. И мало. Только когда совсем невыносимо. А я при ней – нет. Даже если сам задохнуться буду».

Он продолжает смотреть письма. Видит письмо от руководителя. Что там?

«Никита, ты супер! Вовремя пофиксил баг. Спас проект. Спасибо. Премию гарантирую. Предлагаю в пятницу вечером выбраться командой попить пива».

Он улыбается. Ну хоть что-то хорошее за сегодня. Да и премия лишней не будет. Пишет ответ.

«Супер, стараюсь. За предложение спасибо. И за премию тоже. Но не смогу. Я далеко. У меня тут свои дела».

Улыбается ещё раз. Свои дела – это теперь: печенье, сигареты, овцы, шершни, уколы, человеческие укусы и женщина, которая курит в саду, потому что ей надо отдохнуть от жизни.

Тем временем она сидит на скамейке. Пепел падает на песок. Она смотрит на песочницу, на спирали, на человечка без ног.

«Я же обещала забрать свои слова обратно. Но всё равно чувствую себя не так. Он ушёл за этими печеньями. Не сказал: “Иди разбирайся сама”. Нет, понятно, что он шёл не только за ними, а ещё чтобы покурить, но всё равно. А что я? Я упрекнула. Я кричала. Говорила, что он выбрал работу. А он бросил то, что было важно для него. Он любил это. Его уважали студенты. Я видела, как он готовился к своим лекциям, делал задания для практик. И он отказался от этого. Ради меня. Ради Саши. А я с ним так, как будто он предатель.

Да, и с этими ногтями. Понятно, что для меня это красиво. Хотя что-то необычное в этом сплошном дне сурка. Мне так нравится. Я думала, что ему тоже. Хотела, чтобы он посмотрел и оценил. Но я превратила это в войну. Из-за какой-то фигни получился повод для большой ссоры.

А потом он вернулся с ножницами, с перекисью, с пластырями и прочим. Он не сказал, что я сама виновата. Он спросил, нужна ли мне помощь. А я отказалась. Потому что гордая. Привыкла сама. Как будто, если я покажу, что могу сама, я стану сильнее.

А он... Сказал, что бросил диссертацию. Что был Никита Андреевич. Что он читал лекции. Что это была его жизнь. А теперь – коды. Видимо, в которых он чувствует себя безликим.

И я молчала. Смотрела, как всё рушилось. Думала, он выбрал работу. Хотя... не думала. Хотела так думать, наверное. Так удобнее. А он выбирал нас. Годами. Молча.

А я... Я отняла у него даже право на горечь. Когда он сказал: “Я ни хрена для вас не сделал”, я должна была сказать: “Ты сделал всё”. Но я начала мериться болью. Как будто любовь – это конкурс на страдание.

Я сказала, что не прощу его. А он не отказался от своих слов. Да, я потом сказала, что это было по глупости. Да, я потом забрала свои сегодняшние слова назад, а не вчерашние. Но всё равно... Я как будто подвела. Я как будто ударила по тому, кто протянул руку.

А теперь он в доме. Стоит у окна. Хотя уже не стоит, наверное. Не осуждает. Дал мне эти сигареты. Потому что это было мне нужно. Но при этом он сделал ограничение, потому что он заботится. Ему не нужно, чтобы я была правильной, ему нужно, чтобы я была жива.

А я... Я ухожу, чтобы он не видел, как я курю. Даже не знаю, почему. То ли стесняюсь, то ли его соблазнять не хочу. Он и так на грани. Его и так вчера шершень укусил, даже боюсь представить, каково это. И он ещё пытается работать сегодня. И ещё за печеньями ходил. Ну и хрен с ним, за сигаретами тоже. А я... просто сижу и курю. И совесть грызёт ещё хуже, чем Саша.

А ведь я люблю его. Несмотря на всё это. Во всех этих ссорах. Во всём, что мы друг другу говорим и о чём мы молчим. И именно сейчас это хуже некуда: он делает всё, а я только могу ранить его».

Она тушит сигарету. Сидит ещё немного.

«Что мне делать теперь? Что я могу ему сказать? Говорить опять “Прости” уже смешно. Я уже извинялась. И ни к чему это не привело. Я сама с этим не справилась. Забрала свои слова обратно, потом ещё раз забрала. Ну правда, овца, по-другому не скажешь. Саша очень правильно сказал это слово. Ладно. Надо идти. Буду по ситуации».

Она возвращается. Он сидит за ноутбуком. Саша в соседней комнате по-прежнему занят пазлами. Она идёт на кухню. Наливает себе воды. Пьёт. Руки дрожат. От холода. От мыслей. От сигареты.

Он не смотрит на неё. Пытается сосредоточиться на рабочих письмах, но строки перед глазами – просто строки. Она подходит к нему. Садится рядом.

– Ты в порядке? – спрашивает он.

– Да.

«Я ничего не могу ему сказать сейчас. А наверное, нужно. Но не могу».

Она берёт его руку. Осматривает укус. Отёк ещё не полностью спал, но явно лучше, чем было. Он не сопротивляется, но напрягается. Она наклоняется. И целует его руку. Место укуса. Долго. Тихо. Как будто хочет вдохнуть его боль и, может быть, забрать её.

– Жень...

Она молчит. Не реагирует. Продолжает целовать. Потом прижимается щекой к его запястью.

– Жень, что ты делаешь? – срывается голос у него.

– Никита, я не знаю, как и что сказать, – шепчет она. – Но мне очень плохо от того, что я говорила сегодня. Я не знаю, что ты сам об этом думаешь. Может быть, ничего. Но я думаю об этом. Ты отказался от многого. А мне проще было это не заметить. Хотя я всё понимаю.

Он закрывает глаза.

«Господи, зачем я ей это выложил? Я хотел, чтобы она просто поняла, а не чтобы чувствовала вину. А теперь что? Как ей объяснить?»

– Жень... Прекрати.

– Никит... Просто скажи, что всё нормально. Что ты не злишься. И вообще...

«Ну как сказать? Я не могу врать. Но надо это закончить как-то. Хотя бы сейчас».

– Жень... Всё. Успокойся. Я не сержусь.

Она не отрывает щеки от его руки.

– Ну скажи ещё что-нибудь.

– Ну ты же знаешь, что я не мастер говорить. Перестань. Давай не сейчас.

– Никит...

– Что?

– Ну прости, ну я не знаю, как сказать тебе это. Ну пожалуйста.

– Ты уже вчера извинялась.

– А потом снова сорвалась.

«Блин, как мне это прекратить. Не готов я сейчас. Но ей плохо. Я вижу».

Он берёт её руку с пластырем на мизинце. Неловко целует пальцы.

– Жень... Всё нормально. Я тоже неидеальный.

– Что я могу для тебя сделать?

– Давай потом.

Он смотрит на неё. Его давно так не спрашивали. Не «Что тебе нужно?», а «Что я могу для тебя сделать?».

– Жень, – начинает он и останавливается. Держит её руку. С пластырем. С укусом Саши. – Я не знаю. Я не хочу ничего особенного. Ни обещаний. Ни красивых слов. Просто... чтобы ты видела меня. Не просто как того, кто работает, держится и выживает. А как мужа. Как того, кому тоже тяжело. Кто тоже боится чего-то. Кто хочет, чтобы его тоже заметили.

Она молчит. Смотрит в пол. Потом на него. Глаза полны слёз.

– Я вижу тебя, – шепчет она. – Сейчас. Я вижу. Твой укус. Твою руку. Твою работу. Твою диссертацию. Твои лекции. Твоих студентов. Твой молчаливый выбор. Я видела это раньше. Но не понимала это до конца. И мне... сейчас плохо от этого.

Он ничего не может ответить. Только кивает.

«Плохо, что она чувствует себя виноватой. Но мне важно было это услышать. Спасибо, Жень, что сказала. Даже если я не скажу это вслух. Теперь мне надо как-то её успокоить».

Он осторожно целует её руку в месте укуса Саши.

– Всё хорошо, Жень. Смотри, мы с тобой оба покусанные. Один-один.

– О да, – смеётся она. – Семья.

– Ну а чего, всё так. Я шершнем, ты сыном.

– И мужем, – усмехается она.

– Что?

– Нет, ничего, – улыбается она. – Мы с тобой одинаковые.

Он молчит. Смотрит на неё.

– Что там Саша насобирает, пойдём посмотрим. Я же ему обещал. А ты знаешь, что будет, если нарушить обещание.

– Будет море крови.

– Вот именно. А мне испытаний на сегодня хватит. Думаю, тебе тоже.

– Это точно. Пойдём.

Они заходят в комнату к Саше. Он сидит за столом. Перед ним уже собранный пазл. Не Кот в сапогах. А Маугли с Багирой.

– Ого! – подходит к нему Женя. – Всё собрал сам. Саша, какой ты молодец! А кто тут есть? Кто это? – она указывает на пантеру.

– Кошка, – отвечает Саша.

– Ну можно и так сказать. А это кто?

Она показывает на Маугли. Что скажет? Он вообще пока не понимает, где мальчик, а где девочка. Что в этот раз будет?

– Мальчик... В памперсах.

Тишина. Они оба замирают на секунду. Потом срываются в громкий, нервный, но такой нужный смех.

– Блин, Жень, – давится он, вытирая выступившие слёзы. – Это гениально. Ещё круче овцы.

– Да.

– Ну правда, а за что эту его набедренную повязку можно принять? – говорит он, смеясь уже тише. – Саша, ну ты красавчик.

– Может быть, он думает, что все мальчики в памперсах ходят, – говорит она. – У нас же так было.

– Ну слава богу, сейчас не так. Ещё бы про печеньки не забывать – вообще жизнь удалась, – дразнит он.

– Да прекрати уже, – она кидает в него мягкого зайца, Сашину игрушку. – Я и так этот день буду долго помнить.

Он замолкает, улыбка сходит с лица.

– Ладно, прости, – тихо говорит он.

Потом молчит. Потом снова срывается в смех.

– Что такое? – спрашивает она.

Он не говорит. Продолжает смеяться. Снова до слёз.

– Да ну тебя. Давай говори уже.

– Слушай, Жень, – говорит он, вытирая глаза. – Нет, я не могу, это очень смешно. Я придумал, как отучить его кусаться. Точнее... показать, что это плохо.

– Ну?

– Я придумал, – продолжает смеяться он. – Я придумал.

– Ну блин, давай уже.

– Вот это я придумал, – он перестаёт смеяться.

– Говори.

– Короче, давай я тебя кусать буду, ты будешь плакать, а я потом извиняться. Можешь мне даже по жопе давать.

– Ты придурок.

– Я знаю. Ещё чудак на четырнадцатую букву алфавита, – усмехается он. – Я знаю, как ты всегда сдерживаешься, чтобы это не сказать. Можем, кстати, ролями меняться.

– Я тебе и так бы надавала, – говорит она и тоже уже смеётся.

– Ну попробуй, – улыбается он. – Только без игрушек. Это же Сашин заяц.

– Да я понимаю.

Тишина. Они смотрят на пазл. На пантеру. На Маугли. На Сашу, который водит пальцем по пазлу, словно проверяя, всё ли на месте.

– Слушай, – говорит она. – А в этом что-то есть.

– В чём?

– Ну в том, что ты придумал.

– Ты серьёзно?

– Да. А почему бы и нет. Саша ведь не понимает абстрактно, что больно. Мы можем показать. Если покажем, что когда кусают, плакать хочется? Что это обидно? Что потом надо просить прощения?

Он смотрит на неё. В глазах удивление. Она не отвергает его безумную идею. Видит в ней смысл.

– Ты хочешь, чтобы я тебя укусил? – спрашивает он.

– Нет, конечно.

– Ага, а потом скажешь, что я сам предложил.

– Я хочу, чтобы мы ему показали. Как театр. Не по-настоящему. Без реальных укусов. Ты говоришь: «Смотри, Саша, вот так делать нельзя. Папа кусает маму, маме больно, она плачет. А потом папа сказал “Извини”».

– И получил по жопе, – добавляет он.

– Папа – обязательно.

– Блин, – смеётся он. – А ведь может сработать.

– Может.

– Только давай без настоящих укусов.

– Без.

– И без настоящих слёз.

– Обойдёмся.

– И без настоящего физического воздействия.

– А вот это не обещаю.

Он улыбается. Смотрит на неё не как на мать, не как на жену. А как на человека, с которым можно дурачиться и выглядеть смешно и глупо – и не бояться, что осудят.

– Вот видишь, как всё весело закончилось. А между тем, я это чертово гнездо, наверное, сегодня так и не утоплю. Кипяток остыл же раз двадцать. Надо заново кипятить. Зажги огонь, плиз. Я пока почту проверю по работе.

– Никит, ты уверен, что тебе надо сегодня идти туда? Вдруг там кто-то ещё остался. И тебя опять укусят на старые дрожжи?

Он замирает. Да, не хотелось бы. Но и не придётся, наверное.

– Ну ты же вчера не растерялась, сегодня, значит, ещё быстрее получится, – усмехается он, но потом добавляет: – Не думаю, не должно. Они уже мёртвые, мне кажется. Да и я уже более подготовленный. Не волнуйся. Так же оденусь, постараюсь всё изолировать.

– Никит, может, не надо? Кто его знает, какая реакция может быть в этот раз.

– Жень, утопить его надо по любому. Ради чего всё это было? И я говорю тебе: с большой вероятностью там всё нормально. А на крайний случай... у меня есть ты. Я и вчера знал, что ты есть. Поэтому и пошёл.

«У него есть я. Давно он так не рассуждал. Давно я этого не слышала».

– Ты... правда так думаешь?

– Да.

– Хорошо. Я пошла греть воду.

Она уходит на кухню. Ставит чайник. Неизвестно, в который раз по счёту. Слушает, как начинает шуметь вода. Белый лёгкий пар, как чьё-то дыхание.

Он проверяет, всё ли у него есть из защиты. Маска. Перчатки. Куртка. Всё на месте. Но дай бог, чтобы сегодня не пригодилось. Он заглядывает в ноутбук и смотрит ещё раз письма и свои задачи. Пока ничего нового. Ну и прекрасно. Смотрит на свою пачку сигарет. Не открывает. Не сейчас. Потом. По какой-нибудь уважительной причине.

Он подходит к ней. Молчит. словно ждёт чего-то. Потом просто шепчет:

– Я готов.

– А я ещё нет. Точнее, кипятилок ещё нет.

– Разве? Смотри, какие клубы пара.

– Я не знаю. Никит, давай вместе. Ну ты же сам говоришь, что маловероятно, что там кто-то остался.

– Жень, нет. Да, маловероятно. Но полпроцента – тоже вероятность. А на тебе никакой защиты. Вначале будет утоплено гнездо. А потом мы вместе туда пойдём. Хорошо?

– И что же мне делать?

– Ничего. Просто ждать меня здесь. Или я сам тебя позову, когда пойму, что можно.

– Обещаешь?

– Ага.

– Как Саше пазл?

– Почти. Только тут без памперсов.

Её губы дрогнули в подобии улыбки. Но только на секунду.

– Никит... А можно я всё-таки хотя бы рядом стоять буду?

Он прикрывает глаза и качает головой.

– А потом мы что-то от Сашки хотим. Чтобы он понимал слово «нет». Видимо, ему есть в кого не понимать.

Она не отвечает. Продолжает смотреть на чайник. Видимо, уже пора. А то опять кипятилок остынет.

– Никит... Я ненавижу это чувство.

– Какое?

– Что я ничего не могу сделать. Что ты там один. А я должна сидеть здесь и ждать. И ничего не делать. И никак не помочь тебе и не защитить.

«О Господи... Только не хватало, чтобы меня, взрослого дяденьку, защищала женщина, которая сама непонятно, на каком свете сейчас».

Он кладёт руки ей на плечи. Несколько секунд внимательно смотрит ей в глаза.

– Жень, – начинает он. – Ну как «ничего»? А как бы я вчера? Разве ты не помогла мне? Да, я умею колоть, могу и сам себе. Но вряд ли я вчера, с этим отёком, растущим на глазах, на стрессе сориентировался бы. Вообще было не до того. А если бы пошло хуже? Если бы правда врач потребовался? Разве не ты бы позаботилась об этом? Поэтому оставайся здесь. Ты должна быть здесь и в безопасности. Это самое важное, что ты можешь для меня сделать. Ждать. И быть готовой. Поняла?

Она кивает.

«Как же я хочу, чтобы он меня сейчас поцеловал в лоб. Я бы почувствовала себя защищённой. Но блин, он не догадается. А я стесняюсь попросить».

– Всё. Давай чайник.

Он отводит взгляд. Не может больше смотреть ей в глаза. Потому что, если продолжит – скажет что-то лишнее. Или сделает то, чего боится. Или сломается.

Она молча берёт чайник, наливает воду в ведро. Теперь уже пар над ведром. Он тем временем надевает маску, перчатки, куртку, проверяет манжеты, воротник – не осталось ли открытых мест.

– Всё. Я иду. Всё будет быстро.

– Хорошо. Я жду тебя здесь. С печеньками. С лекарствами. И с сигаретой, которую не закурю при тебе.

Он улыбается. Выходит. Идёт на чердак. Туда, где пыль, туда, где шершневое гнездо. И сундук, где, может быть, есть что-то для них.

Глава 7. Спасибо, что не сказала «заколебал»

Он наверху. Она садится за стол. Саша бежит рядом и выстраивает мягкие игрушки в ряд: зайца, мишку, слона, ещё зайца, потом овцу. Опять овца, везде овца. Выстраивает ни по росту, ни по смыслу. По какому-то своему, известному только ему порядку. Ничего нового. Один из вариантов его стереотипного поведения. Что бы это ни значило, Саша не расскажет. Ну и ладно, главное, ему это комфортно.

Смотрит на мятую пачку, в которой осталась одна сигарета. На свою зажигалку. Берёт их в руки. Может, выйти в сад? Саша пусть в песочнице посидит, а она на скамейке? Дым в лёгкие. Тишина в голову. А если она Никите будет нужна? Если он крикнет? Если что-то пойдёт не так? Если шершни не погибли? Нет. Нужно просто ждать.

И время медленно идёт. Что там с ним? Пойти что ли к нему? Но нет, он же сказал – ждать. Хоть бы маякнул как-нибудь. Остаётся только считать время.

Потом шаги. Тяжёлые. Неторопливые. Ну вот, сейчас всё станет на свои места.

И вот он здесь. Без маски. Без перчаток. Со следом от вчерашнего укуса. С усталым лицом, но с облегчением в глазах.

– Всё! Готово! – говорит. – Гнездо утоплено. Никто не выжил. Теперь безопасно.

Она встаёт. Не сразу. Подходит к нему. Смотрит ему в глаза. Потом на руки.

– Ты в порядке?

– Более чем! Отёк спадает. Голова уже ясная. И... Я не курил. Не потому, что не хотел.

А потому, что знал, что ты ждала здесь. И не стала.

Она кивает. Глаза блестят.

– А сейчас хочешь? – она снова берёт эту мятую пачку.

– Хочу. Но не буду. Поверь, ещё поводов много будет. И я тоже не буду это делать при тебе.

– Почему?

– Да просто. Сейчас мы справились. И мы молодцы.

Он молчит. Потом продолжает:

– Но... Если тебе, конечно, прямо очень надо, можешь идти. Я не буду смотреть. Ругаться тоже не буду, я сам в этом вопросе далёк до идеала. Но ты помнишь, о чём мы договаривались. Это твой лимит. Больше я тебе сегодня точно не дам. Помнишь, без обид.

Она замирает.

«Он не осуждает. Не учит. Не наказывает. Он просто напоминает. И он реально заботится».

– Помню, – шепчет она. – Не пойду. Подожду. Хотя бы сегодня.

Он смотрит на неё усталыми, но светлыми глазами. Кивает.

К ним подходит Саша. И ставит овцу между ними на пол. Как будто ставит точку. Что мир провозглашён.

– А овца снова в деле, – смеётся Никита.

– Всегда была. И теперь, видимо, будет.

– Ну чего, идём смотреть, что в сундуке?

– Заколебал ты своим сундуком, честно. Хватит уже подвигов на сегодня. Ну или вечером, если тебе уж невмоготу. А сейчас давайте обедать. А потом чай с печеньками. Кстати, спасибо, что принёс мои любимые. Я видела.

Она встаёт на цыпочки и легко целует его в щёку.

– Это просто печенье, – улыбается он.

– Ну не совсем.

– У тебя на обед для Саши все мотивашки есть?

– Никит. Ну мог бы не говорить об этом. Ты как упрекаешь меня за утро.

– Нет. Я просто спросил.

– Кстати. Можешь всё-таки мне объяснить, зачем тебе тот сундук так сдался?

Он молчит. Неловко улыбается. Смущённо смотрит в пол. Потом начинает:

– Не знаю, Жень. Я, когда его в первый раз увидел, историю одну вспомнил. Это было ещё в те времена, когда казалось, что всё хорошо. Когда Саше не было ещё года и мы и представить себе не могли, что ждёт нас. У меня тогда один студент принёс на пары старинную шкатулку, ну чтобы друзьям показать. Я невольно заинтересовался тоже. Спросил его. Он сказал, что это шкатулка его бабушки, а там какие-то письма. Но он не хочет их читать и смотреть. Будто бы боится чего-то узнать. Я тогда не понял, в чём проблема. Но... почему-то вспомнил это сейчас.

Он проводит пальцем по столу.

– Смесь какая-то. И ностальгия по прошлому. И страх перед будущим. И много вопросов без ответов. И этот сундук стоит... как немой укор. Ну в общем, я ничего не понимаю. Но посмотреть хочу.

Она слушает его внимательно, не до конца понимая. Но чувствует одно – он ищет смысл. Хоть в чём-то. Хоть в каких-то знаках. Хоть в каком-то старом сундуке. Это не банальное любопытство. Не ребячество. Что-то большее. А как бы она сама хотела получить хоть какой-то знак. От кого или чего угодно. Лишь бы понять, что они не одни.

– А ты, – спрашивает она, – ты бы открыл эту шкатулку, если бы она была твоя? Ну ту, что у студента.

Он задумывается. Вздыхает.

– Не знаю. Может, у него были причины бояться. Возможно, правда была такой, что её лучше не знать. Либо иные обстоятельства. Но здесь... я не думаю, что что-то может изменить нашу и без того сложную жизнь в худшую сторону. В конце концов, здесь же не наши предки. Возможно, и нет ничего полезного. Но если там что-то для тех, кто придёт после? Что кто-то оставил свой след, чтобы кто-то другой не чувствовал себя одиноким? Может быть, я сам смог бы оставить что-то взамен?

Она молчит.

«А может, он и прав. Может быть, именно такие вещи и помогают выживать. Я всё равно до конца не понимаю. Но посмотрим вместе. В конце концов, ничего не теряем».

– Давай вечером. А сейчас обедать и чай.

Он кивает.

– Хорошо. Спасибо, что не сказала «заколебал».

Она улыбается.

– А тебе – что рассказал. А не просто – «мне интересно».

Глава 8. Господи, если Ты есть...

Господи, если Ты слышишь

Вечер. Саша спит. Перед ними две чашки с недопитым чаем. Печенья съедены. Не Сашины, её. Он встаёт из-за стола.

– Я иду. Ты со мной?

Она молчит. Днём она собиралась идти с ним. А сейчас уже не готова. Вряд ли там что-то нужно им. Скорее всего, чей-то старый хлам. И не надо искать ни в чём сакральные знаки. Но пусть он идёт, если ему так нужно.

– Никит... Мне не очень хочется, честно. Я устала за сегодня. Но если тебе так это важно, иди. Может, найдёшь что-то. Или убедишься, что там ничего нет. Кстати, а почему ты днём не посмотрел?

– Я хотел вместе. Но давай один схожу. Просто посмотрю.

– Иди. Я здесь. Если что, зови.

– Хорошо.

Он уходит. Она остаётся. До конца всё равно не понимает, зачем ему это. Но пусть идёт. Пусть ищет смысл. Там, где его, скорее всего, нет.

«Господи, где бы мне найти этот смысл? В чём? Зачем? Почему так? Почему я плачу каждый Сашин день рождения вместо того, чтобы радоваться? Почему реву в день матери? Почему, когда он говорит, что мы молодцы, становится ещё хуже? Почему, когда он молчит, кажется, что ему всё равно?

Как бы хотелось верить, что где-то есть ответы. Что есть книга или что-то, где написано, что делать, если ребенок не говорит в шесть лет, что делать, если муж замолчал и как при этом самой в дурдоме конвертики клеить не начать. Но такой книги нет. Либо я о ней не знаю.

Есть я. Есть он. Есть Саша. Есть чай, который остывает в двадцатый раз. И какая-то большая пропасть. А зачем всё это? Умру я, умрёт Никита, как Саша будет без нас? Сможем мы его хоть как-то подготовить к жизни? Ну а потом и его не станет. Он не женится, у него не будет своих детей, моих внуков. И к чему был этот ад?

Но пока я есть. И есть мужчина, который идёт на чердак, потому что боится: если не посмотрит – упустит что-то важное».

Он наверху. Сейчас там безопасно. Пыль стоит столбом, щекочет ноздри. Хочется чихнуть, но он сдерживается. Рука всё ещё ноет, хоть и не так, как утром. Прохладный воздух поднимается с пола. Половицы скрипят под каждым шагом. Он включает фонарик. Луч выхватывает из темноты старые ящики, свёрнутые одеяла, и в углу – тот самый сундук. Старый. Железный, местами ржавый. Он опускается на колени. Не сразу открывает. Кладёт ладонь на крышку, как бы спрашивая разрешения.

Он давно не молился. Даже когда мама в детстве заставляла перед сном складывать руки, он старался молчать, чувствуя фальшь этого ритуала. Ну или произносил нужные слова, чтобы от него просто отстали. Верил ли он вообще? Вряд ли. Считал это чем-то далёким и ненастоящим. Или не хотел верить, воспринимая это чем-то враждебным. Или просто злился – на Бога, на родителей, а потом и на мир, где Саше нет места. Но сейчас... Сейчас он просто устал нести всё это один. Он хочет, чтобы кто-то его услышал. Не чтобы ответил голосом с неба. А просто чтобы как будто кивнул. Чтобы укус, срыв, сигареты, её слёзы, этот дом и вся их жизнь – всё это не было случайностью, а за всем этим стоял какой-то смысл. Чтобы хоть как-то можно было объяснить эту череду дней, ставшую одним бесконечным выживанием ради ничего.

Он закрывает глаза. Губы шевелятся. Слово застревает.

– Господи... – шёпот срывается, неловкий, как спотыкание на ровном месте. Он тут же морщится и резко качает головой. «Ну вот. Прямо как мать. “Господи, помоги”, а сама...» Но останавливаться поздно. – Если Ты... есть. И если Тебе не всё равно...

Он открывает один глаз. Пыль кружится в луче фонарика. Никого. Только тишина.

– Я не умею так, – шепчет он, чувствуя, как горят щёки. – Я не верю. Или... не знаю. Но если Ты слышишь этот бред... – он сглатывает. Ком в горле. Пальцы вцепились в край крышки. – Пусть я буду здесь неслучайно. Покажи мне, зачем я здесь. Дай ответы на вопросы, от которых уже много лет просто разрывается голова. Не про работу. Не про деньги. Про то, почему всё так. Почему я не умею быть рядом, а только делаю. Почему она капризничает иногда, как маленькая. Почему Саша...

Он замолкает. Дышит тяжело, сердцебиение учащается. Голова снова тяжёлая.

– Я не прошу чуда. Но мне важно знать, что мы не одни. Что кто-то выживал здесь до нас. И может быть... выжил.

Тишина. Фонарик мигает. Он открывает глаза. Руки слегка дрожат. Поддевает крышку. Скрежет старых петель. Пыль взлетает. Он отворачивается и кашляет. Смотрит внутрь и наклоняется ближе. Пыль медленно оседает.

Первое, что бросается в глаза, – фотография. Он берёт её. Чёрно-белая. Края пожелтели, уголок надорван, по диагонали большая трещина и россыпь мелких по всему изображению. Молодая женщина с мальчиком сидят на полу рядом с новогодней ёлкой. Она прижимает его к себе, видно, что крепко, пальцы почти впиваются в свитер. Он держит её за кисть. Неловко. Без улыбки. Впрочем, и у неё на лице только её подобие.

Взгляд мальчика... Пустой. Стекланный. Как будто он смотрит не в объектив, а сквозь него. Как будто он здесь и не здесь одновременно.

По спине ползёт холод. Рука дёргается. Хочется отложить, но он продолжает рассматривать. Он помнит, что когда-то читал про викторианские посмертные снимки – жуть, когда мёртвых усаживали как кукол. Но нет. Мальчик живой. Просто... Глаза... отсутствующие. Как у Саши. На всех фотографиях. Тот же мир где-то далеко.

«Боже... Неужели я не ошибся? И неужели, чтобы настолько?»

Он переворачивает карточку. Надпись карандашом, почти стёртая, но удаётся прочитать: «Я и Лёва. Рождество».

Лёва... Не Саша. Он выдыхает. Плечи чуть расслабляются. Какой год – непонятно.

Он смотрит, что там ещё. Два пластиковых квадрата. Дискеты. Три с половиной дюйма. С потускневшими этикетками. Надписи почти стёрлись, не разобрать, от букв только намёк, что они там были. Он берёт одну и проводит пальцем по краю. Пыль прилипает к коже. В последний раз такое видел в школе. Сейчас даже посмотреть их содержимое проблематично будет.

«Вот же хрень. Где теперь дисковод такой взять?»

Под дискетами – книга. Тяжёлая. В потёртом переплёте. Один из нижних уголков потёрт больше, как будто его кто-то погрыз. Библия. С закладкой.

«Нет... я не готов... Зачем я об этом подумал? Я не хочу...»

На торчащей части – выцветшие слова: «Будьте, как дети». Немного колеблется, хмурит брови, сжимает губы. Но всё же открывает. Бумага шуршит. Характерный запах. Сырости и как будто клея.

На странице – Евангелие от Матфея. Восемнадцатая глава. Карандашом неровно подчёркнуто: «И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное».

Он перечитывает это дважды. В памяти короткими вспышками проносятся обрывки. Без предупреждения. Да, он помнит и эти слова. Воскресная школа. Там стихи учить заставляли. И ещё что-то... За что-то... наклейки. Или значки. Может быть, и то и другое. Это он уже

смутно помнит. Помнит только гонку: у кого больше, кто лучше старается, кто «перед Богом молодец». Совсем маленьким он искренне старался. А потом... Он вспоминает, как бормочет выученное с пониманием того, что ему всё равно. Лишь бы просто отстали. И не доставали с этим «Верь», «молись», «слушайся родителей».

«Блин, мне до сих пор тошно... В воскресной школе лили в уши одно, а дома и в жизни было... Совсем иначе... И что это дало? И даст ли ещё? Не знаю».

Он закрывает глаза. Дыхание сбивается.

«Всё может быть. Как дети... А смогу ли я? Если я уже знаю слишком много».

Он открывает глаза. На закладке, ниже выпцветших букв, виднеются ещё несколько строчек – тоже простым карандашом. Он направляет фонарик на них. Строчки неровные, как будто кто-то хотел записать наспех.

«Я тоже хотела быть, как дети. Плакать, когда больно. Смеяться, когда хорошо. Не думать, как объяснить, почему у меня такой сын. Не думать, как мне учить его говорить, когда я сама уже не знаю, что сказать. Но я не могу. У меня нет на это права. Я мать. Я должна быть сильной. Или мне только это кажется. Господь, не отвернись от меня. Научи доверять Тебе».

Он замирает. Пальцы на обложке стали липкими и холодными. Он закрывает Библию. Откладывает в сторону. Он больше не может это читать. Глаза жжёт, но слёзы не текут. Они как будто застыли под веками и царапают изнутри. В горле боль от кома. Он не плачет. Просто дышит глубоко, глотая пыль. И нетерпимо острую боль узнавания.

«Как мне учить его говорить, когда я сама уже не знаю, что сказать...»

Да, он был прав. И даже не знает, хорошо это или плохо. Куда бы теперь деться от этого? Мысли мечутся, ищут выход. Чем заглушить это давление?

«Где мне найти уважительную причину, чтобы покурить уйти? Ещё что ли за печеньками сходить для Жени? Они как раз закончились. Как же на меня всё давит!»

Но он не уходит. В сундуке есть что-то ещё. Тетрадь. Обычная. Школьная. Толстая. Он берёт её. Обложка потрёпанная, однотонная синяя, но на ней есть выпцветшая наклейка, на которой написано крупным почерком: «Если ты читаешь это, просто знай, что я была. И он тоже был».

«Кто он? Лёва? Или муж? Непонятно. Потом разберусь... наверное».

Пальцы скользят по шершавому краю обложки. Он открывает тетрадь. Листает. Часть страниц пожелтела, местами они слиплись от сырости. Бумага тонкая, в крупную клетку. И почерк... не сплошной текст. Пропуски. Широкие поля. Между записями – большие интервалы. Как будто кто-то хотел что-то написать, но не смог.

На первой странице запись. Опять похоже на молитву. Как будто её личная. Но и молитвой это тоже сложно назвать. Скорее выдох. Попытка избавления от невидимого груза.

«Господи, если Ты меня слышишь... Дай мне сил просто пережить этот день. Не прося о любви, надежде, вере. Я не знаю, заслуживаю ли я это. Просто скажи: “Хватит. Ты сделала достаточно. Ты не плохая мать. Ты выжила”. И даже если после этого ничего не случится, пусть будет этого достаточно».

Он закрывает глаза. Пальцы непроизвольно сжимаются. Он хочет глубоко вдохнуть, но не получается.

«Зачем я здесь? Зачем мне всё это? Я не готов... Но... Почему меня задевают эти слова? Почему мне они кажутся знакомыми?»

Вчера. В дороге. Женя сказала почти то же самое. Точно не вспомню, как. Но это было. Как и была эта женщина.

Почему я сюда не взял сигареты и зажигалку? Прямо здесь бы закурил. Выветрилось бы. Ладно. Надо идти к ней».

Он аккуратно складывает: тетрадь, фото и закладку. Библию трогать не будет. Пока рано. Может быть, потом. И дискеты пусть тоже остаются. Пока их всё равно не на чем смотреть.

Он выключает фонарик. В темноте на секунду становится глуше. Хотя и до этого была тишина. Пора вниз.

Спускается. В гостиной её нет. Но он видит её в окне.

«Вот красавица, всё-таки не выдержала. Ладно, я тоже не выдерживаю. Сделаю вид, что не заметил, как всегда. Ну и ей придётся так же».

Она сидит на скамейке. На коленях мятая пачка. В руке горящая сигарета. Рядом зажигалка. Как будто убегает из реальности на несколько затяжек.

Он отворачивается. Кладет на стол тетрадь, фото и закладку. Садится рядом. Закрывает ладонью глаза. Ждёт, когда она придёт сама.

Она заходит через пару минут. Взгляд опущен. В руке зажигалка. Она останавливается у стола и замирает.

– Что-то нашёл?

– Не то слово.

– И что же там?

– Такое чувство, что мы. Посмотри сама. А я пока... отойду.

– Куда? – слабо улыбается она. – За печеньками?

Он кивает.

– Ага. Именно за ними.

Нервно смеётся. Берёт свою пачку и зажигалку. Выходит.

Она садится за стол. Руки пахнут дымом, пальцы слегка дрожат. Берёт фотографию первой. Это самое интересное. На первый взгляд – милая идиллия. Мама с сыном у новогодней ёлки. Она обнимает его, он держит за руку её. Тёплое, старое фото. Таких много. Но что-то цепляет. Она не понимает, что именно. Откладывает снимок.

Берёт закладку. Старая бумага, выцветшие буквы простым карандашом. Привлекает надпись «Будьте, как дети». Слова знакомые, но откуда – не помнит. Читает слова ниже:

«...Не думать, как объяснить, почему у меня такой сын. Не думать, как мне учить его говорить, когда я сама уже не знаю, что сказать...»

Внутри холодеет. Дыхание перехватывает. Она перечитывает это. Потом ещё раз.

Медленно поднимает взгляд и снова берёт фотографию. Смотрит внимательно, особенно на мальчика. Понимает. Глаза ребёнка... Тот же взгляд мимо. Или насквозь. Пустой и как будто холодный. Как у Саши на всех снимках.

«Нет...» – бьёт в голову мысль до физической дрожи. «Я не верю. Это не может быть с нами».

Она судорожно открывает тетрадь на первой странице. Читает.

«Что происходит? Кто это всё писал? Это же мои мысли. Вчера».

Резко переворачивает фотографию.

«Я и Лёва. Рождество»

«Мальчика зовут Лёва, получается. И с ним... нечто похожее».

Он возвращается. С запахом сигарет. Не печенек, конечно же. Садится рядом. Кладёт руку ей на плечо.

– Ну ты как?

Она закрывает глаза. Молчит. Потом начинает говорить:

– Нас как будто кто-то видел... Изнутри.

Он молчит. Не знает, что сказать. Просто смотрит на её руки, держащие снимок.

– Ты тоже это видишь? – спрашивает она, не открывая глаз.

– Вижу, – отвечает он просто, без пауз, без попыток что-то смягчить или скрасить.

Она сглатывает.

– Кто она? Как её зовут?

– Без понятия. Я только первую страницу этой тетрадки прочёл. Мальчик Лёва. Может, там дальше что-то написано будет.

– Да уж, – тихо вздыхает она. Плечи опускаются. Голова тоже. – Ты был... прав?

– В чём?

– В том, что здесь не просто хлам... А что-то для нас, – она открывает глаза и внимательно смотрит на него. – Откуда ты это знал?

– Я не знал, – шепчет он. – Я просто... надеялся.

– Никит! – слегка повышает голос она. – Точно?

– Женя, – отвечает он слегка раздражённо. – Разве я умею плести интриги?

Они оба замолкают.

– Нет... просто...

– Что?

– Да меня всю трясёт от этого. Не бывает таких совпадений.

Он берёт её руку двумя своими.

– Жень, если бы ты знала, как меня трясло там. Там ещё кое-что было. Ты помнишь, как дискеты выглядят?

– Такие штучки квадратные?

– Ага. На них особо ничего и не запишешь, памяти мало. Только тексты в основном писали раньше. Там их две. И знаешь, какая мысль мне пришла сейчас?

– Думаешь, что она туда что-то записала?

– Да. Голос, может. Или видео очень короткое. И для неё это тоже был способ сказать: «Я была»... Но... кто сейчас дискеты смотрит? Сейчас флешки по двадцать гигабайт, и вообще, все на облака перешли.

– Получается, это был её способ передать память. Но даже здесь её как будто стерли.

– Именно. Сейчас мы это читаем. И даже, может быть, где-то дисковод найдём. А через сто лет кто-нибудь узнает о ней?

– Хороший вопрос, не знаю, – задумчиво говорит она, кладя ладонь на обложку. – Давай посмотрим, что там дальше.

– Ты готова уже сейчас?

– Не уверена. Но давай.

Он открывает вторую страницу. Там не молитва, просто текст. Читает вслух:

«Сейчас лето. Я люблю его и ненавижу одновременно. Можно много гулять, это лучше, чем сидеть с Лёвой в четырёх стенах и постоянно придумывать, чем его занять. Но этим летом много пчёл, а у Лёвы аллергия на укусы. Он не понимает: схватит цветок, а там пчела сидит. А вдруг я не успею среагировать? И всякие мысли страшные лезут, что даже писать не могу».

Он замолкает. В голове снова обрывки, но уже чёткие, так как это было вчера и сегодня. Его страх, страх за неё и Сашу, вчерашний укус, выжигающая боль, отёк, ведро с кипятком – всё это, как сейчас, и одновременно.

Он смотрит на неё. Она почти не дышит. Лицо бледное. Пальцы впились в край стола.

– Женя, – тихо зовёт он. – Что происходит?

– Я то же самое хочу спросить у тебя, – тихо говорит она, не отрывая взгляда от страницы. – Продолжай.

Он читает дальше. Слова теперь звучат тише и медленнее, но пронизывают насквозь:

«Хотя мне уже несколько человек задают вопрос, что будет с ним, когда меня не станет. Что лучше будет, если он уйдёт раньше меня. Ибо один он всё равно не сможет. Да как? Как такое можно говорить матери? Про живого ребенка. Я не могу. Я не хочу. Я не хочу ни при каком раскладе увидеть его смерть. Как бы мне ни было страшно его оставлять. Что мне убить его, а потом себя? А если бы им так сказать? Нельзя? А почему мне можно?»

Он кладёт тетрадь на стол. Бумага шуршит. Звук кажется неестественно громким.

Она закрывает глаза руками. Тихие слёзы текут сквозь пальцы. Он не плачет, но тоже прикрыл глаза ладонью.

– Никит... Это невыносимо.

– Тебе такое кто-то говорил?

– Да. И ни один раз. Почему я должна это слышать?

– Посылай к чёрту. Я так делаю.

– А тебе тоже?

Он кивает.

– Да. На работе умники находятся. Про их бы детей так сказал кто-нибудь.

«Ну вот... А я думала, что он в работу уходит от проблем. А нет... И там достают».

На следующей странице – опять молитва. Видимо, опять её личная. Читает она. Голос сначала дрожит, потом выравнивается:

«Милостивый Отче, услышь молитву мою.

Я благодарю Тебя за этот день, прожитый с моим сыном. За каждый его шаг вперёд – и за каждое его падение, потому что через них Ты показываешь мне, над чем мне ещё нужно работать.

Благодарю Тебя за то, что он растёт и развивается, несмотря ни на что. Спасибо за силы, что Ты даёшь мне – физические, духовные, эмоциональные, материальные, за возможности, которые я вижу и не вижу.

Продолжай поддерживать меня, Господь. Благослови всех, кто работает с моим сыном – врачей, педагогов, логопедов. Пусть их руки будут Твоими руками, их слова – Твоим словом, их сердца – источником Твоей милости».

Её голос дрожит. Он сжимает пальцы.

«Ничего себе. Эта женщина находит в себе силы, чтобы поблагодарить за что-то, а я не смог сейчас... За то, что он нашёл всё это, хотя просил. Хотел, но не смог. Сказал, что рано».

Она продолжает:

«Милосердный Господь, Ты знаешь, как меня тревожит его будущее. Особенно тот день, когда я уйду в Вечность. Я боюсь, что он останется один.

Прошу Тебя: не оставь его. Подготовь людей, которые будут о нём заботиться, когда мои руки больше не смогут его обнимать. Пусть он доживёт до отмеренного Тобой срока – в любви, в достоинстве, в покое. В Твои святые руки я передаю своего сына. И прошу Тебя – пошли мне успокоение».

– Никит, – её голос срывается. – Я не могу дальше это читать. Только что об этом говорили. Где мне взять это успокоение? Это разрыв сердца. Между верой и отчаянием. Любовью и страхом. Кошмар. Ежедневный кошмар таких, как мы. Я не говорила так никогда. Но думаю так же. Сил больше нет. Продолжай ты.

Он вздыхает. Берёт в руки тетрадь. Продолжает вместо неё:

«Но, Господь, я сама не верю в то, о чём прошу. Моё неверие кричит громче, чем надежда. Помоги моему неверию. Нет для Тебя невозможного. Сжался надо мной. Исцели моего сына. Яви на нём Твою славу».

Он откладывает тетрадь. Она смотрит на него широко открытыми глазами.

– Что? – спрашивает она.

– Ни фиги себе. А так можно было?

– Что именно?

– Так сказать. Потому что... Потому что это правда. Не красивая фраза. Не благочестие ради показухи. Это мужество – сказать: «Я не верю, но всё равно прошу». Может, это и есть настоящая вера. Не знаю. Моя мать любила и любит изображать смирение и праведность. Это красиво. Но я-то знаю, как на деле. Отсюда и скепсис. – Он делает паузу, проводит пальцем по краю страницы. – Я продолжаю.

«Прости мне сегодняшнее раздражение. Прости мои грехи прошлого и не наказывай меня через него. Пусть его жизнь не станет моим наказанием».

– Никит. Я хоть и не так, но тоже задаю вопрос: за что нам всё это? Именно нам. И конечно же, не нахожу ответа. Да и все давят. Типа это какой-то урок. Надо его пройти.

– Ага, только мы с тобой, видимо, круглые двоечники, раз не можем. А мне кажется, что это просто у общества крыша едет. Матери, да и вообще родители, должны быть святыми. Если с детьми что-то не так, значит, они виноваты. – Он качает головой. – Продолжи ты, пожалуйста.

Она дрожащими руками берёт тетрадь. Продолжает, голос срывается:

«Господь, у меня нет сил сказать: “Пусть будет не моя, но Твоя воля”. Мне слишком больно. Я не могу это принять. Но прошу Тебя: не отвернись от меня. Просто будь со мной. Даже если молчишь. Даже если я не чувствую».

Он молчит. Потом говорит тихо:

– Ну а на это я вообще ничего сказать не могу. Всё так и есть. Она могла бы сказать по-другому. Но это была бы ложь, которая никому не нужна. А здесь очень большая смелость, она признаёт свою беспомощность и невозможность того самого принятия, о котором все говорят. Но тем не менее просит «Просто будь». Я ничего не могу сказать, слова закончились.

– У меня тоже. Я сама-то особо не молилась никогда, ну как-то не срослось с этим. Но думаю я очень похоже. Как ты думаешь, она ещё жива?

– Кто ж знает... Жень, я кое-что забыл там, на чердаке. Точнее, забыл сделать. Я быстро. Сейчас вернусь.

Он уходит вверх и снова идёт к сундуку. Снова открывает его. Снова видит две дискеты, которые всё равно пока не на чем смотреть. Дрожащей рукой берёт Библию. Закрывает глаза. Прикладывает книгу ко лбу. Это не ритуал. Скорее попытка удержать то, что рвётся наружу. Или, наоборот, попытка избавиться, освободиться. Или прикосновение к тем, кто был до. К той матери из прошлого, которая писала, что тоже хотела быть, как дети, и просила Бога не отвернуться от неё.

И в этот момент он чувствует, что больше не может сдерживать то, что сдерживал годами.

– Господи, почему? – хоть и шёпотом, но вырывается у него. – Если Ты есть... зачем? Зачем она? Почему Саша? Почему мы? Что мы... сделали не так?

Он замолкает. Дыхание сбивается, становится чаще.

– Да, я не праведник. Ну а где они вообще? Разве мы хуже всех? Где справедливость?

Он сжимает книгу так сильно, словно хочет или разорвать её, или сломать свои пальцы. По телу пробегает дрожь, сначала лёгкая, потом вполне ощутимая.

– Ты видел... сколько раз она плакала. Ты видел... как я боялся этих чёртовых шершней? Ты видишь, что я не могу принять эту ситуацию. И сколько раз я чувствовал себя последним негодяем за это? Если Ты есть, неужели Тебе всё равно? Просто скажи.

Его крик шёпотом звучит в пустоте чердака и растворяется в пыли и паутине. Он как будто ждёт ответа, но слышит только собственное тяжёлое частое дыхание и стук своего сердца. А ещё пульсацию в голове. Как будто в ушах летают бабочки. Он садится на корточки рядом с сундуком. Закрывает лицо ладонью, в другой руке остаётся книга. Старается дышать ровнее. Не получается. Всё внутри сжато. Несколько лет напряжения, страх, злость, бессилие – никуда не деваются. Он просто сидит в тишине со своим дыханием и стуком сердца.

Постепенно вдох становится глубже. И постепенно... уходит гнев. Нет, он не растворяется в пустоте. Просто уступает место чему-то другому. Тягостному. Неясному. Робкому.

А может... Ведь... этот дом. Эти записи. Шершни, которые невольно помогли их найти. Женщина, которая писала то же самое.

«Неужели Он меня слышит? – думает он. – Иначе... как бы я здесь оказался? Как бы я нашёл это? Как бы мы увидели свою жизнь в чужих словах? Или... мне просто хочется, чтобы так было? Не знаю... но пусть... всё же будет».

Эти мысли пробиваются сквозь остатки его злости, постепенно гася и успокаивая. По-прежнему тишина. Нет объяснения, почему всё так. Но есть принятие, что он не один. До этого он, конечно, тоже понимал, что их история не уникальна, но именно сейчас возникло ощущение, что их боль была просто услышана. Потому что была пережита, записана и передана. Она часть чего-то большего и пока неизвестного. Он опускает голову, его дыхание уже ровное.

– Спасибо, – почти беззвучно шепчет он. Он боится говорить вслух. В его голосе нет уже вызова. Есть усталость. И изнеможение.

Он убирает руку с лица. Смотрит на книгу. Хочет сказать ещё, но слова не идут и путаются.

– Я не знаю, есть ли Ты. Я не умею. Никогда не умел. – голос глухой и прерывистый. – Но если Ты слышишь... Если это не просто так, то... спасибо. Спасибо, что она была. Спасибо, что я нашёл это. Спасибо, что Женя... не одна. Спасибо, что я... Спасибо, что мы... ещё здесь. Спасибо, что не оставил.

Он немного колеблется. Потом аккуратно кладёт Библию обратно. Она должна остаться здесь. Поправляет дискеты. Закрывает крышку со скрежетом. На секунду рука сама тянется ко лбу – почти забытый жест. Но пальцы замирают в воздухе. Он опускает ладонь.

«Не сейчас... Не так».

Он встаёт. Оглядывается. Смотрит вверх. Хоть и вечер, но красивые лучи заката пробиваются сквозь щели и небольшое окошко. И снова еле слышно, больше для себя, часть слов остаётся без звука.

– Прости, Господи... Не за то, что не молился. А за то, что думал, что я... всё сам. Что слабость – это стыдно. Что хочу, чтобы меня тоже замечали...

Он замолкает. Слова застревают. Он опускает голову ниже, плечи сжимает. Глаза закрыты. Тоже почти забытое движение. Голос становится тише, сбивчивее:

– За то, что молчал, когда она плакала и нуждалась во мне. Что прятался в работу. Что боялся... быть рядом. И вообще боялся.

Он открывает глаза. Снова смотрит на сундук. На пыль и тень от фонарика. Плечи немного расслабляются. В самом деле... Никто не ударит. Никто не наорёт. Да и тихой сапой трёхчасовых бесед об «ужасном поступке» никто не достанет. Напряжение уходит. И снова тихий шёпот:

– Прости... Я ничего не понимал и не понимаю...

Он уже готов уходить, но добавляет:

– Мне далеко до веры и праведности. Я не знаю, приду ли к этому. Но если можно... Научи. Хотя бы не прятаться. И слышать. Как она.

Он всё ещё не может уйти. Пауза. Глогает воздух.

– Спасибо... за неё. Позаботься о ней, если...

«А вдруг... она стала нашим ангелом?»

Он уже идёт по лестнице. Но снова мысли. И вот одна:

«Что я сейчас делал? Просил прощения? Я? Как? Не у Жени. Не у Саши, которого грозился шлёпнуть сегодня. У кого-то, кого годами считал пустым местом на небе. Я сказал это. Не формально, как, например, вчера, и то только потому, что знал, что она так тоже скажет. Для меня это давно стало пыткой. Нет. Я, наверное, никогда не спущусь вниз».

Он разворачивается и возвращается в темноту чердака. Садится прямо на пыльный пол. Закрывает глаза ладонями.

«Я сказал это. И это было... легко. Не совсем, конечно. Не потому что вдруг стал праведником. Нет. Просто не надо было доказывать свою вину, как я её чувствую и сожалею. Не нужно было стоять с опущенной головой. Не нужно было повторять: “Простите, я виноват и больше так не буду”».

Ему тогда было лет двенадцать. Он был в шестом классе. И была учительница по математике, строгая, но знающая своё дело. Ещё и молодая. Любила сумки красивые, особенно одну, дорогую, кто-то ей подарил – для неё важный и значимый. Сумка, правда, была классная, с принтом, девочки даже завидовали. И был один обычный школьный день. Первый урок – математика. И он начался не с проверки домашнего задания. Учительница поднимает перед классом свою сумку вверх. Держит на вытянутой руке. Из сумки торчит большой гвоздь.

– Кто это сделал?

Молчание. Все молчат. Взгляд учительницы останавливается на нём. А он пока не понимает, чем всё это закончится.

– Никита, встань.

Он встаёт. Но всё равно пока ничего не понимает.

– Ты вчера зачем последним заходил в этот кабинет? Я знаю, что ты возвращался. А я была в учительской. Я вернулась, и было уже это.

Он чувствует жар в щеках. А в теле холод. Он потом ещё долго помнил это состояние.

– Анна Сергеевна, это не я. Я просто тетрадь забыл. Поэтому возвращался.

– Не ври! Кроме тебя, никого не было.

– Я не вру.

– Врёшь. Я знаю, ты за двойку вчерашнюю мстишь мне. Привык к пятёркам.

– Я не был готов вчера, это правда. Но я не делал этого. Анна Сергеевна, честно.

И здесь голос уже дрожал. Ему не верят, все против него, и он ничего не может доказать.

Ну а на следующий день отец приходит в школу. Он помнит тот разговор с учительницей и взгляд отца, полный злобы. Как отец при выходе из школы со всей дури бьёт его по лицу. Как дома продолжают пощёчины и подзатыльники.

– Он ещё и врёт. Нет, это ж надо было так опозорить нас? Чем мы ей это компенсируем?

– Папа, я не делал этого, – дрожащим голосом говорит он, пытаясь увернуться от ударов.

– Будешь врать – ремнём выпорю.

Мать стоит с каменным лицом. Не пытается защитить. Голос такой же каменный:

– Ты поступил отвратительно. Из-за двойки решил отомстить? Кстати, ещё вопрос, почему ты задание не сделал. Мы за тобой следить должны? Но это сейчас не главное. Главное – твой гадкий поступок и то, что ты пытаешься врать. Я тебя даже видеть сейчас не хочу. И пока не извинишься перед папой и мной, с тобой никто не будет разговаривать, как раньше. И завтра ты должен извиниться перед Анной Сергеевной. Перед всем классом, понял меня? Потому что это видели все. Скажешь: «Анна Сергеевна, простите меня, этого больше не повторится никогда». Если не сделаешь, я не буду тебя больше любить.

– Мама, я не...

– Я всё сказала. Жду извинений.

Ну а потом было «Прости меня, мама», «Прости меня, папа». Чтобы только не били и не орали. Чтобы только перестали на него так смотреть. На следующее утро он поднимет руку на уроке и то же самое Анне Сергеевне скажет. Дрожащим голосом и с красным лицом. А ещё через неделю выяснится, что это старшеклассница какая-то сделала. Из зависти. Потому что ей родители такую сумку не купили, а она очень хотела. Он видел двух девчонок в коридоре, пока за тетрадь заходил. Но, естественно, значения не придал тогда. И камер тогда нигде не было. Проще было его сделать тем самым козлом отпущения.

А мать потом как ни в чём не бывало:

– Ну слава богу, что это не он. Можно помолиться и попросить прощения... у Господа. Пойдём в церковь.

«Блин, а у меня? За мою боль? За мои унижения?»

С тех пор он не мог сказать слово «прости». Потому что это слово стало ядом. Хоть мать и продолжала требовать извинений за каждое неосторожное слово и грозила ему больше не любить и не разговаривать с ним.

«Да не любите и не разговаривайте, ну вас к чёрту», – думал он про себя тогда.

И сегодня он сказал это. Без всяких условий. Без «этого больше не повторится». Никто не мог использовать это против него. И это было освобождением. И это было не ложью.

«Господи, а ведь действительно этого хотел. Как будто я снял рюкзак, который тащил с детства. Из обиды, злости, несправедливости. Страх, что накажут за любую слабость.

Да что ж я тут сижу? Что она обо мне подумает, почему меня так долго нет?

Теперь бы мне только попросить у неё. Нормально, не через шутку. Не между прочим. Не потому что я знаю, что она сделает то же самое или хочет сделать. И чтобы она не сказала: “Да ладно, забей”. А просто обняла. И всё».

Он медленно встаёт. Надо идти. Он спускается. Он торопится к ней. И так долго его не было.

Она продолжает сидеть за столом. Просто смотрит что-то в телефоне. Тетрадь отложена в сторону. Да и понятно, хватит потрясений на сегодня.

Он подходит к ней. Садится рядом. Ничего не говорит.

– Почему тебя так долго не было? – спрашивает она.

Он молчит. Не знает, что ответить.

– Но сейчас же я здесь.

Она кивает.

– Никит, – после небольшой паузы говорит она. – Когда ты был там, я на самом деле здесь кое-что ещё прочла. Но не знаю, как сказать, чтобы ты не счёл меня сумасшедшей.

– Жень, – берёт её за руку. – Я тоже хочу. И тоже боюсь, что ты подумаешь то же самое.

Она криво улыбается.

«Почему же слово “Люблю” так сложно сказать? Когда он шёл на чердак к шершням, когда давал мне сигареты, чтобы я не сошла с ума, когда с Сашей рисовал человечков... Да и не сегодня, и не здесь. Даже дома, в обычной жизни. Он уже сказал много раз. Миллион просто.

А я как раз-таки меряюсь тем самым, в чём благополучно упрекаю его.

И почему мне так сложно рассказать ему то, что, возможно, объяснило бы многое? Я боюсь. Боюсь, что он не поймёт. Да и как мне подобрать слова, чтобы объяснить ему? Все слова покажутся жалкими и ничтожными рядом с его молчаливой силой».

Глава 9. Ты мне доверяешь?.. Ты бы простил?

Утро. Она готовит завтрак. Он уже сидит за ноутбуком. Рядом лежит тетрадь. Он открывает её. Страница после вчерашней молитвы. Он читает:

«Я пишу тебе, хотя знаю, что ты это не прочитаешь. И хорошо, что ты это не читаешь. Не потому что боюсь. Я не хочу тревожить тебя. Я снова смотрю на Лёву и вижу в нём тебя. И внутри всё сжимается так, как будто бы ты стоишь рядом.

Я говорю не о чертах лица, лицом как раз он на тебя не очень похож, разве что мимикой. А говорю о действиях, о его движениях. Когда он футболку надевает, мне кажется, что это ты.

Я вижу, как он замолкает, когда ему больно. Как он прячет руки под стол. Как он избегает взгляда. Да, он избегает его по своим причинам, но ведь ты тоже так делал иногда. Я вижу тебя в его молчании. И в каждом “нет”, которое он не всегда говорит вслух. В каждом его “Хочу” или, как он говорит, “Хочешь”, которое потом превращается в истерику, потому что он не может по-другому.

И каждый раз, когда я вижу это, у меня в горле боль от давящего кома. И эта боль не за него. Эта боль за нас, что мы были. Были такими и не сумели это понять.

Я до сих пор тебя люблю. И сейчас это даже больше, чем в день нашей свадьбы. Потому что я уже не та молодая женщина, для которой любовь – это счастье. Я теперь знаю, что это не всегда легко. Иногда это большая рана. А иногда это что-то, что остаётся, даже когда всё кончено.

Я люблю тебя за то, что ты был со мной и был настоящим. За то, что ты молчал, когда я капризничала, как девочка. За то, что ты пытался быть сильным, хотя мне казалось, что ты равнодушен, но именно в этот момент ты нуждался, чтобы тебя кто-то обнял и хотел, чтобы это была я. А я тогда не смогла это понять. И списывала это на твой эгоизм.

Я люблю тебя за то, что ты научил меня видеть боль через сарказм и грубость. Я многое понимаю теперь. За то, что ты дал мне сына, который учит меня терпению. Но как же сложно ему научиться.

Но больше всего я чувствую вину. За то, что не сохранила. За то, что не увидела. За то, что не спросила: “Как ты?”, когда ты во мне нуждался. Когда ты уходил с друзьями пить пиво, я думала, ты уходишь от меня, и страшно обижалась. Какой ерундой мне кажется это сейчас. И тогда я ещё больше капризничала.

А на самом деле ты уходил от себя. От своих переживаний. От своих травм. От своего детства, полного равнодушия.

А что я? Я перенесла свои собственные раны на тебя. В детстве много чего было такого, что сейчас бы не тронуло. А тогда могло стать фатальным. Я перенесла на тебя опыт с первым мужчиной. И хоть я понимала, что ты не он, я всё равно не смогла справиться. Хоть ты и не тот, кто сделал мою первую близость испытанием, кто переложил свой страх на меня, будто я уже тогда должна была быть сильнее и всё вытерпеть одна. Ты не сделал первую близость болью, которую я должна была терпеть одна и молча. А я? Я не справилась. И в другом тоже. Я перенесла на тебя обиду на родителей, свою неуверенность во всех аспектах, моральных и физических. И называла это любовью.

Я требовала от тебя, чтобы ты был другим. Сильнее, заботливее, нежнее, больше говорил. И при этом я сама не разобралась в себе. Но начала разбираться в тебе.

Я не сержусь на тебя. Ни за что. Ни за то, что ты ушёл. Ни за то, что не смог остаться. Ни за то, что у тебя теперь другая семья. Ты не сбежал. Ты просто не знал, как быть со мной. А я не знала, как быть с тобой. Я ведь тоже уходила, потому что ревновала тебя. Не только к женщинам, но и к абсурдным ситуациям.

Я прощаю тебя. Не формально. Не для того, чтобы мне самой стало легче. Но потому что, если я не прощу, я не смогу смотреть на Лёву без боли. Он не виноват, он наша связь. Он – ты. Он – я. Он наша любовь в прошлом и наши ошибки.

Я прощаю тебя не за то, что ты не был тем, кем я хотела, а за то, что ты был таким, какой ты есть. Но наверное, никогда не смогу простить себя за то, что не поняла этого.

И прости меня. За то, что я не была той, что тогда тебе была очень нужна. За то, что не сдерживалась. За то, что уходила, даже когда очень хотелось остаться. За то, что ты не смог меня удержать. За то, что я тебя не удерживала. За то, что не спрашивала. За то, что не обнимала. За то, что не говорила раньше. За то, что ревновала к тому, к чему не надо было ревновать.

Прости меня.

Некоторые люди остаются в сердце навсегда, даже когда покинули дом. И это ты.

С тобой, но без тебя. Навсегда».

Он откладывает тетрадку в сторону. Вздыхает.

«Как мне тут после такого работать? Слава богу, сейчас задач нет. И опять – про нас. Господи, кто эта женщина? Неужели правда наш ангел? Сколько мы с Женькой были на грани разрыва. А я вчера хотел наконец извиниться перед ней нормально. Да и она, видимо, прочла это и тоже что-то хотела сказать. Но мы не смогли вчера. Может быть, пора».

Он идёт на кухню. Она продолжает готовить. Руки дрожат. Почему так сильно?

– Жень?

Она оборачивается. Очень бледная. Что с ней?

– Да, что?

И дышит тяжело. Коротко, поверхностно, будто боится глубоко вдохнуть.

– Жень... Что такое?

– Что именно?

– Что с тобой? Я вижу, что тебе нехорошо.

– Всё нормально, – отвечает она. – Я просто не выпалась.

Он подходит. Замечает, что она держится одной рукой за стол, как будто ей трудно стоять.

– Жень... Тебе плохо? Почему ты мне ничего не говоришь?

– Говорю же, нормально, – раздражается она. – Я устала просто. Как тут можно не устать?

Он молчит. Вспоминает их разговор. Врач. Алена. Курс инъекций – две недели. Тогда ему было не до этого, он сам был укушен шершнем. Сейчас след ещё остался, но без последствий. Но теперь... она. Дрожащие руки. Бледность. Дыхание. Пазл складывается.

– Звездочка моя, – говорит он тихо. – Ты те уколы себе делать начала?

Она замирает. Ложка падает в кастрюлю с кашей.

– Откуда ты знаешь?

– Ты сама говорила. Забыла? Когда меня шершень укусил. Ну... начала?

– Нет пока.

– А почему?

– Потому что они очень болезненные. Я полгода назад уже делала. Еле вытерпела. Потом сидеть, не знаю сколько, не могла.

– Почему я об этом не знал?

– А почему я должна была об этом говорить?

– Серьёзно, Жень... Я твой муж вообще-то.

«И правда. Почему я не знал? Почему она всё время молчит, и я, если и знаю, то только о плохих анализах?»

– И что, ты вообще делать не собираешься?

– Нет, почему? Просто решиться начать не могу.

– Жень, ты обо мне подумала? Ладно, хрен со мной, о Саше. А если станет хуже?

– Не станет. Я всё контролирую, но...

– Что «но»? Ты чего ждёшь? Что станет хуже? Что в больнице окажешься? Что умрёшь? Что? Я знаю, какой у тебя гемоглобин, я видел бланк, где были онкомаркеры. Что ты ждёшь?

– Откуда ты это видел?

– Из сумки у тебя торчали листы.

– С онкомаркерами всё в норме.

– Слава богу. И что?

– Ты сейчас будешь меня ругать? – её голос дрожит. – За то, что мне страшно? За то, что больно? За то, что я заколебалась быть уже сильной? Что устала всё тащить сама?

Он молчит.

«Блин, что мне с этим делать? И пришёл я сюда не за этим. Но наступаю на те же грабли».

– Сигарету дай, – просит она.

– Ага. А по жопе тебе не дать?

– Отвали, – она отворачивается к плите. – Со своими шуточками.

Он молчит.

«Правда, сейчас это неуместно. Сейчас по максимуму надо быть деликатным. Блин, а я не умею. Как мне быть? Я не хочу, чтобы она боялась. Но и не хочу, чтобы она была больна».

– Жень, – кладёт руку ей на плечо. – Ну какие сигареты сейчас? Ты сама слышишь, как ты дышишь? Как я могу это дать тебе? И ругаю я тебя не за страх. А за то, что молчишь. Делаешь вид, что так и надо. Я должен догадаться? Но я не экстрасенс. Я понимаю, что тебе не хочется, что ты боишься. Но ведь ты сама даже не подпускаешь меня. Не даёшь помочь. И ничего не говоришь.

– А что ты хочешь, чтобы я сказала? «Никит, помоги, мне страшно?», «Подержи за руку, пока я себе не воткну в попу иглу». Чтоб ты смеялся? Ага, я вижу, уже ржёшь.

– Жень, ты дура?

– Да. Или как?

Он молчит.

«Блин, всё-таки задело. И извинения тогда не помогли. Значит, всё впереди. Каяться снова сейчас бессмысленно. Надо просто с этими уколами разобраться как-то».

– Жень, иди сюда. – Он раскрывает руки.

Она не сопротивляется. Он прижимает её к себе. Подбородком касается макушки.

– Я не засмеюсь. Я, если и усмехнулся сейчас, то только потому, что ты это смешно сказала. Но на самом деле – нет. Я сделаю всё, что ты скажешь. Подержу за руку, пока ты не воткнёшь себе эту чертову иглу. Ты знаешь, я тоже могу. Но ты же сама не разрешаешь.

Она молчит. Отворачивается, но не вырывается из объятий. Он тоже молчит. Просто держит.

– Жень, – тихо начинает он. – Давай уже сейчас сделаем этот укол.

Она вздрагивает. Оборачивается на него.

– Я сама.

– Как скажешь. Только давай сейчас, не оттягивай.

Она открывает ящик стола. Достает ампулы, шприц, салфетки.

– Выйди. Я сама, не хочу, чтобы ты смотрел.

– Ладно, как скажешь. Но я здесь, если что.

– Иди уже.

Он выходит. Садится перед ноутбуком. Но ему вообще не до задач. Закрывает глаза руками.

«Что происходит? Почему она так боится и не хочет, чтобы я был рядом. Я, конечно, догадываюсь. Только не знаю, сказать ли ей. Вдруг она ещё больше закроется. Сегодняшнее

письмо. Детские травмы. Видимо, это. Но она не может сказать. Я помню, как она всю беременность тряслась перед врачами. А перед родами. И не боли боялась. А чего-то другого.

Да блин, у меня эти травмы тоже есть. Но я уже подростком был и мог хотя бы про себя послать всех куда подальше. Что потом и сделал. Даже не про себя.

А она... Неужели она стесняется? Бред, не может быть. Что, я её голой не видел? Но... в постели – это одно. А в момент боли и беспомощности – совсем другое.

А если не только это. Если я когда-то что-то не то сказал? Про шрамы после тех же родов? Про что-то ещё?»

Она держит ампулу и салфетку. Смотрит на шприц.

«Как же я устала. Я привыкла сама. Чтобы никто не видел. Ни в боли. Ни в слабости. Он вроде бы может. Но я не могу. Доверие – это риск. А риск – это снова боль».

Он сидит. Прислушивается. Тишина. Слышит щелчок. Её сдавленный вскрик. Всклипывание. Звук бьющегося стекла. Он встаёт.

«Она не зовёт. Но я должен идти. Что бы ни было».

Он идёт на кухню. Медленно открывает дверь.

– Жень...

– Отстань от меня.

Он смотрит. В углу валяется разбитая ампула в луже лекарства. Она сидит на корточках и дует на указательный палец. С него капает кровь.

– Порезалась? Пока ампулу ломала?

– Да. А ты не видишь? – сквозь слёзы раздражённо отвечает она.

Он не отвечает. Берёт чистую салфетку со стола.

– Дай руку.

– Я сама.

– Дай.

Он берёт её ладонь. Аккуратно прижимает салфетку к порезу.

– Больно?

– Нет.

– Врёшь.

Она не отвечает. Слёзы текут без звука.

– Ты ведь сейчас не из-за пореза. Так?

Она кивает, но не смотрит на него.

– А из-за чего?

– Из-за того, что я не смогла. Из-за того, что я плачу. И я не хочу, чтобы ты это видел.

– А что случится, если я увижу?

Она задумывается. Молчит. Потом сглатывает.

– Ничего, – шепчет она. – Просто не хочу. Не хочу, чтобы ты видел меня не такой, какой я должна быть.

Он смотрит на её руку. На салфетку, пропитанную кровью. На разбитую ампулу и лужу лекарства.

«Блин, ну точно что-то издалека. Из давнего. Я должен как-то мягко. А я не умею. И как говорить, чтобы не ранить ещё больше?

Помню, когда-то в универе мне нужно было принимать экзамен по предмету, который я вообще не знал. И сказали: “Как-нибудь”. И я сообразил в начале поспрашивать отличников, чтобы самому разобраться. И вник. К концу экзамена был уже в теме. Но тут так не выйдет. Тут нельзя просто “вникнуть”».

– А какой я должен быть? – тихо спрашивает он.

– Никит... Ты о чём?

– А ты?

Она не отвечает. Он брызгает на руки антисептиком. Берёт новую ампулу, ломает её.

– Что ты делаешь? – хмурится она.

– То, что ты боишься и не хочешь делать одна.

– Нет, – вскрикивает она. – Я сама!

– Жень, – он на секунду замолкает, набирая раствор. – Я не буду тебя колоть насильно. Как ты это вообще себе представляешь? Я просто подготовлю. Если захочешь – сделаешь сама. Если нет – скажешь: «Сделай ты». И я сделаю. Без всяких «жоп», «поп», «не напрягай жопу», «терпи», «ты не маленькая», «мама расстроится, если ты плакать будешь» и прочего. Надо будет, буду делать и потом. И не буду тебе с утра перед вечерним уколом выносить мозг. Да, и рассказывать об этом тоже никому не буду.

Она замирает. Смотрит на шприц.

– Откуда ты это знаешь всё?

– Да потому что всё это испытал на своей пятой точке. – Он откладывает шприц на стол.

– Тебе тоже кто-то так говорил?

Он кивает.

«Тоже кто-то так говорил... Значит, я был прав. Значит, надо быть предельно нежным. Как я не умею».

– Мне лет шестнадцать было. Бронхит был острый. Врач уколы назначил. Я уж не знаю, насколько они были нужны на самом деле. Ну у меня тётка медсестра, ты же знаешь. Мать сама делать не умела. Ну и я тогда тоже. Вот тётка и делала. Ужас. Мало того, что больно. Да ещё со всеми этими словами. Интересно, она своим пациентам так же говорила? И ещё мать заходила в самый ответственный момент, хотя я её просил выходить. Либо тётка причитать и сюсюкать начинала наигранно: «Какой у нас мальчик храбрый, терпеливый». Хотя мне уже шестнадцать лет было. Да твою ж мать... А потом ещё маман с подругами обсуждала это по телефону, так чтоб я это слышал.

Она молчит. Смотрит на него широко открытыми глазами. В них – его боль.

Он смотрит на неё. Слегка кивает.

– Я угадал? Было так?

Она молчит, но кивает.

– Ты, наверное, ещё маленькая была?

Снова слёзы. Снова отворачивается от него.

– Никит, – выдавливая она из себя. – Я не... не...

– Девочка моя, – тихо говорит он. – Я не настаиваю. Ты не обязана рассказывать.

«Девочка моя... Блин, как это странно звучит. Когда я в последний раз так говорил? И говорил ли вообще? Но сейчас так нужно. Да так и есть. Не зря же я перед этим прочитал сегодня эту страницу в тетради. Надо говорить, пока слышит».

– Жень, – он кивает на шприц на столе. – Хочешь, я выйду?

– Нет, – отвечает она. – Сделай ты... Пожалуйста.

Он замирает. В этих словах всё: доверие, усталость и одновременно какая-то отчаянная сила.

– Хорошо, – тихо говорит он. – Что ты хочешь, чтобы я ещё сделал?

– Не знаю. Просто будь. Поцелуй меня в лоб. Обними. Я не знаю, что ещё...

Он крепко прижимает её к себе. Гладит по волосам, чувствуя мелкую дрожь. Не торопит. Целует в лоб. Долго.

«Как мне ещё её поддержать? Что мне сказать? Как мне не разрушить это доверие?»

– Жень, тебе страшно?

– Да.

– Ты мне доверяешь?

– Да.

– Хочешь, чтобы я что-то говорил? Или лучше молчать?

– Не знаю...

– Если будет очень больно, не сдерживайся. Плачь. Кричи. Я буду рядом. Я не обижу.

– Матом можно?

– Да, только не очень громко. Саша испугается.

Они молчат.

– Жень, ты готова?

– Нет, – вздыхает она. – Но делай.

– Повернись, пожалуйста.

Она сглатывает. Закрывает глаза. Потом медленно поворачивается к нему спиной. Каждое движение даётся с трудом.

Он берёт шприц и салфетку. Стучит пальцем по цилиндру, выпуская пузырьки.

«Блин, как же я сам боюсь. Можно я лучше ещё раз к шершням схожу? Пусть меня ещё какая-нибудь дрянь укусит. Только бы не было этих страданий. Моральных в первую очередь. Я не буду спрашивать, готова она или нет. Глупый вопрос, понятно, что она никогда не будет готова».

Он обрабатывает кожу салфеткой. Она замирает.

«Никит, я доверяю тебе. Боюсь, но доверяю», – его мысль или её безмолвный отклик? Неважно. Он чувствует.

Он быстро втыкает иглу и начинает медленно вводить лекарство. Видит, как она сжимает пальцы, слышит её напряжённое дыхание.

«Блин, что делать? Не спрашивать же – больно или нет? Тупой вопрос, понятно, что больно. Ну а как?»

– Маленькая моя... Я люблю тебя...

«Странные обстоятельства для таких слов. Лучше бы при других, конечно. Ну а чего стесняться? Это же правда. И в данный момент – единственная правда».

Она вздрагивает. Но не от боли. От его слов.

– Не надо, – шепчет. – Не сейчас.

Он вынимает иглу и прижимает салфетку. Она продолжает тяжело дышать. Он быстро закрывает иглу колпачком и откладывает пустой шприц в сторону.

– Почему? – спрашивает он. – Почему не сейчас? А когда? Ты ведь тоже читала ту страницу, ну ту после вчерашней молитвы. Она писала это бывшему мужу. А почему я не могу говорить то же, когда я рядом? Почему нужно этого бояться?

Она поворачивается к нему. Лицо мокрое от слёз.

– Потому, – тяжело говорит она, – что я это не сказала раньше. И даже сейчас не знаю, смогу ли ответить.

Он молчит. Смотрит на неё. Ждёт.

«Я понимаю, что это не отказ. И понятно, что она меня тоже любит. Просто долго молчала. Как и я. Хотя, немного обидно, конечно. Но ничего, не такое переживали».

– А я сказал не для того, чтобы ты ответила, – наконец начинает он. – Я сказал это, потому что ты должна это услышать.

– А раньше почему не говорил? Надо обязательно было уколов дожждаться? Или письмо прочитать?

– Жень...

Он не знает, с чего начать. Он нёс в себе это долго.

– Давай я потом это объясню. А сейчас уже надо к Саше идти. Что-то у него там больно тихо. Даже подозрительно. И мне поработать нужно. И я так понимаю, каша подгорела.

– Я новую сварю.

– Хорошо.

Он выходит. Возвращается в гостиную.

«Блин, а так хотелось сказать... Но это так сложно – и объяснить, и произнести. Ладно, соберусь. Сформулирую. Не зря ж я хоть чуть-чуть, но препод».

В гостиной Саша. Стоит у ноутбука. Нажимает кнопки. У Никиты холод внутри.

«Блин... Нет... Только не это. Это ж мой проект, мой код. Мне за него премию обещали. А если он в базу ещё влез?»

Он бросается к ноутбуку.

– Саша! – кричит он.

Мальчик вздрагивает. Смотрит на отца широко открытыми глазами, но, как и прежде, пустым отсутствующим взглядом. Строки кода подчёркнуты красными волнистыми линиями. Конфиг исчез. И всплывающее окно мессенджера от руководителя: «Никита, с тобой всё в порядке? Что ты мне какую-то хрень шлёшь?»

Он резко хватается Сашу за плечи.

– Что ты сделал? – в гневе кричит он. – Я тебе говорил: нельзя трогать! Это не игрушка.

Саша пугается. Не кричит, не плачет. Просто замирает. Не понимает слов. Но чувствует: папа сердится, папа кричит. И он уже уходит внутрь. В свою оболочку. В комнату вбегает Женя.

– Никита, что здесь происходит?

– Он стёр код, над которым я работал. Но это полбеды. Ещё и файл один удалил. Этот файл – это деньги. Это его занятия. Это возможность отдохнуть. И ещё послание шефу написал. Меня шеф уроет, что ноут без присмотра оставляю.

– Никит, ты чего на него орёшь? – её голос дрожит, она делает шаг вперёд. – Он же не понимает. Он просто играл. Он их трогал ради прикосновений, ощущений, ради звуков.

– Ага, – кричит он с красным лицом. – Как кусаться – он понимает? Как волосы тебе выдирать – тоже? Как овец в ряд выставлять – понимает? А здесь нет. Говорил же: нельзя. Это не песочница, Женя. Это моя работа. Которую я ненавижу. Но это наши деньги.

Саша стоит. Не двигается. Он уже где-то далеко. В своём коконе. Где его не достанут папины крики. Где они – просто фоновый гул.

Он опускается на стул. Закрывает глаза руками. Внутри как будто всё разрушено. Всё, что только что возникло, доверие, нежность, то самое «Люблю», которое он наконец сказал... – всё рассыпалось и стало напрасным.

– Никит, для него это ничего, – продолжает она, пытаясь говорить спокойно. – Просто свет, просто возможность прикоснуться, просто щелчки. Ты хочешь, чтобы он тебя боялся?

Она присаживается на корточки напротив Саши. Снова пытается посмотреть ему в глаза.

– Саша, – тихо и мягко говорит она. – Папа не злой. Папа тебя любит. Но это ноутбук. Он папин. Его трогать нельзя. Папа устал. Папа обиделся. Но он тебя любит. Пойдём собирать Маугли.

Берёт Сашу за руку и уводит в его комнату.

Он остаётся сидеть с закрытым руками лицом. В голове – снова то, что он вспоминал вчера. Как отец бьёт его по лицу без всякой вины с его стороны. А мать потом ещё извиняться заставляет. Жестоко. Бредово. И сейчас то же самое. Только вины нет и у Саши. Это он сам оставил ноутбук открытым и не заблокировал. Его оплошность полностью. И он выместил это сейчас на ребёнке, который не понимает, что такое «нельзя», что такое работа, что такое деньги. Который не может ответить, объяснить. Не может попросить прощения.

– Никит, – её голос из коридора.

«Господи, что же я теперь могу сказать?»

– Я не хотел... Я знаю, что он не виноват. Я просто...

Он замолкает. Голос дрогнул.

– Я просто устал. Я устал быть тем, кто всё держит. Я устал молчать, когда мне плохо. Я устал быть сильным. И вот сегодня, когда я наконец смог сказать, что люблю тебя, всё оказалось перечёркнуто. За пять минут лёгким движением пальцев.

Она подходит. Обнимает его сзади. Целует в макушку. Он берёт её руки в свои.

– Никита, – тихо говорит она. – Ничего не перечёркнуто. Ты просто мой. Ты гнездо шерневое разносил, нам всё обеспечиваешь, мои бзики прощаешь, курить разрешаешь, ну и не разрешаешь, не куришь при мне. Уколы делаешь. Всё тянешь. Любишь. И... я люблю тебя. Да, со всем этим адом.

Он замирает. В уголках глаз появляются слёзы. Немного. Но есть. Не от горечи, а от освобождения.

– Я... Я не хотел кричать на него. Я знаю, что он не понимает. И здесь, по сути, только моя вина. Я оставил ноутбук открытым. Это было неправильно. Но блин... когда я увидел эти красные подчёркивания, я сразу подумал о днях работы, которые пропали. И я снова теряю всё. И страх, и гнев – я же, по сути, на самого себя злился, выместил на нём. Помнишь, та женщина писала, что перенесла свою боль на мужа? Вот. А я сейчас – на ребенка. А это ещё хуже.

– Перестань. Ты не робот. Ты устаёшь. Тебя тоже можно понять. Я его успокоила, он пазлом снова занят. Может быть, как-то можно это восстановить? Ты слово какое-то говорил, что у вас где-то всё хранится?

Он не смотрит на неё. Глаза мокрые. Кивает.

– Жень, мне надо десять минут. Я отойду. Потом вернусь. Потом попробую восстановить файл. Ну начальнику попробую объяснить. Ну получу по шапке, конечно. Но думаю, не смертельно.

Пишет сообщение в чат шефу: «Лёх, извини, лоханулся. Оставил ноут открытым. Кот на клавиатуре потоптался. Больше не повторится».

«Блин, у нас нет кота. Ну и ладно, никто не знает об этом».

Он встаёт и идёт к двери. Она смотрит ему в спину.

«Я понимаю, зачем он уходит. Пусть идёт. Пусть побудет один. Ему нужно это сейчас. Пусть даже закурит. А я при нём – нет. Потом как-нибудь. Но блин, как же трудно.

Понятно, что он устал. Как и я. Мы оба не выдерживаем. И оба это знаем.

И хоть я сказала, что люблю его, но это было как бы между делом. А надо говорить. Говорить нормально. Пока слышит, пока дышит. Чтобы не было, как у неё. У этой женщины из тетрадки. Да и вообще – говорить. Не только “Люблю” и “Прости”. Не молчать.

Мне ещё не даёт покоя одна мысль с этой страницы. Про первого мужчину. Про первую близость. Никита не знает, но у меня ведь это тоже было страшно. Я такой боли даже в родах не испытывала. Мне и с этим тоже тяжело. Тело помнит. Хоть это было... страшно подумать, когда.

А сейчас ещё и постоянная боль из-за Саши. Другая боль и усталость. И я не знаю, как ему это рассказать. И надо ли? Не сделаю ли я этим только хуже? Но он обижается. Ладно, пусть он побудет один сейчас».

Он сидит на той же скамейке, где и она сидела и курила. Теперь зажигает сигарету сам. Глубоко затягивается. Потом глубоко выдыхает, словно хочет выпустить ещё что-то.

Ветер. Птицы. Песочница, в которой уже не осталось следов от спиралей и человечков, за ночь их смыл дождь. Он закрывает глаза и видит перед собой лицо Саши. Его широко открытые, пустые глаза.

«Я, наверное, такими же глазами смотрел на родителей, когда меня обвинили в том, что это я испортил ту чёртову сумку».

Он вспоминал это уже вчера. Крики отца, пощёчины. Мать с её бесконечным «Извинись». Его не слышали. Ему не верили. Его осудили.

«Да, Саша может не понимать слов. Но вдруг понимает смысл? И просто не может сказать? Вдруг он чувствует больше, чем мы представить можем? И если сейчас я испугал его серьёзно? Стал для него источником страха, а должен быть защитой...»

Он задыхается. Не от сигареты. Он понимает, что практически повторил то, что сделали с ним. Да, иначе. Да, не так остро. Но повторил. Он стал тем, кого боялся. И наорал на сына, который не может ответить, не может объяснить. А тут ещё неизвестно, что хуже. Физическая боль или бессилие перед криком того, кого любишь.

«Опять должен... Да что ж я всем должен? Но правда, должен. Ей. Ему. Себе в конце концов. Я не хочу, чтобы было так. Вчера на чердаке казалось: вот оно, освобождение. Сегодня, когда она дала сделать этот укол, тоже думал – начинается доверие, какой-то мир. И теперь вот так вот. Видимо, так ещё будет не раз. Но надо же голову включать и понимать. И я... буду!»

Он делает последнюю затяжку. Потом тушит сигарету в банке, в которой за ночь скопилась дождевая вода с разбухшими вчерашними окурками. Женя поставила её вчера вечером. Она умеет позаботиться. Даже если так странно. Надо идти. Встаёт не сразу. Через несколько секунд. Потом поднимает глаза к небу. Не как к пустому пространству. Но как к тому, кто, возможно, может услышать. На секунду опускает глаза на свою ладонь, только что державшую сигарету. Потом снова смотрит вверх. Не закрывает глаза и ничего не говорит. Всё в мыслях.

«Я не знаю, как это называется. И не знаю, можно ли так... после всего этого. Но если Ты слышишь... просто не дай мне стать им. Не дай сорваться снова. Пусть они знают... что я их люблю. Даже когда всё рушится».

Несколько секунд он ещё просто стоит.

«Спасибо. Теперь я сам».

Он возвращается. Она раскладывает кашу по тарелкам. Наконец уже удалось её нормально сварить, ничего не подгорело. На столе три чашки. Две с чаем, одна – будто бы с кофе.

– Никит, – оборачивается она. – Я сделала тебе, как ты любишь. Чай с молоком и солью. Никогда не понимала такую экзотику, но тебе же нравится.

Он застывает в дверях.

«Ничего себе. Она помнит. Я даже сам себе давно его не делал. А она сделала. Специально. Она меня слушает. Она слышит. И заботится, пока я курю втихаря, как подросток».

Он медленно подходит. Криво и виновато улыбается. Садится. Берёт чашку. Горячая.

– Спасибо, – шепчет он.

– Я сейчас Сашу позову.

– Жень, – со вздохом говорит он. – Я должен с ним поговорить. Сейчас.

– Зачем? – удивляется она. – И что ты хочешь ему сказать?

– То, что нужно.

– Ты думаешь, он поймёт? Он уже забыл, наверное. Давай просто поедим. А то сегодня вообще не позавтракаем. И тебе свои файлы восстанавливать надо.

– Я не знаю, поймёт он или нет. Я не знаю, помнит он или нет. Но... если он всё понимает? Но не может это выразить из-за своих особенностей. То как быть? И нужно это сейчас до завтрака, пока он действительно может помнить. Не как с ребенком, которого надо успокоить. А как с человеком, который... может слышать.

Замолкает. Потом добавляет:

– Я сам его приведу.

– Давай только быстрее, всё остынет.

– Да.

Он идёт к Саше. Тихо приоткрывает дверь. Саша сидит за столом, перед ним – пазл с Маугли. С мальчиком в памперсах, как тут по-другому сказать. Рядом с пазлом – плюшевая овца. Всё та же овца. Рядом с Багирой.

Он подходит к Саше, который никак не реагирует на него. Медленно садится на корточки и легко кладёт руку на коленку сына.

– Саша... – начинает он, выдерживая паузу. – Я испугал тебя?

Саша молчит. Водит пальцем по пазлу. Потом поворачивает голову. Смотрит на отца, но не в глаза.

– Когда я кричал, когда ругал тебя за ноутбук, – его голос дрожит. – Я был злой. Но ты... Ты не виноват. Я не хотел, чтобы тебе было страшно. Просто страшно стало мне.

Небольшая пауза. Саша сидит неподвижно. Вряд ли что-то понимает.

– Прости меня, сын. Я не хочу, чтобы ты меня боялся. Я постараюсь так больше не делать. Взрослые тоже ошибаются.

Он протягивает сыну руку ладонью вверх. Саша смотрит на него. Взгляд не стеклянный. На мгновение Никите кажется – в нём мелькает что-то знакомое. Или желаемое. Доверие?

Саша берёт со стола овцу и кладёт её в протянутую ладонь отца. Тот закрывает глаза и уже не прячет слёз. Не сдерживает и не стыдится.

И вдруг – голос мальчика. Тихий и неровный, с трудом подбирающий форму:

– Папа... прости.

Он вздрагивает.

«Что? Что он сказал? Мне показалось? Нет, не может быть. Это не похоже на эхоталию».

– Саша... Что ты сказал? Повтори.

Мальчик тихо повторяет. Ещё раз и медленнее:

– Папа... прости.

«Нет, это не было галлюцинацией. Он услышал, он понял, он ответил. Он сказал “папа”. Сказал “прости”. Но... как? Блин, я только успокоиться пытался, сейчас опять слёзы подступают. Нет... Чёрт...»

– Ну вы скоро там? – появляется в дверях Жень.

– Жень, – он сглатывает и пытается смахнуть слёзы. – Жень, он сказал...

– Я слышала.

Она улыбается и продолжает стоять в дверях.

– Но как? – и тут он оглядывается и смотрит на неё с внезапным подозрением. – Это ты его научила? Так говорить?

Она качает головой.

– Нет. Я только сказала, что папа очень расстроен, когда отвела его сюда.

– Но как? Он же не может чувствовать себя виноватым. Да и он не виноват на самом деле.

Она пожимает плечами.

– Не знаю. Может, он и не чувствовал вины. Что скорее всего. Может быть, просто уловил твою боль... И хотел её как-то убрать. Или понял, что ты пытаешься убрать его страх за свой крик. Сопоставил это как-то. И решил сказать то же, что и ты. Я не знаю. Правды мы, наверное, не узнаем. В голову к нему не залезем. Но предположу, что вышло, как в той песне. Про девочку-видение.

– В смысле?

– Ну, «я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она, чтоб посмотреть, не оглянулся ли я»². Неужели не помнишь?

– А... ну да, конечно, – улыбается он с ещё мокрыми глазами. – Да, похоже. Как ты и говоришь.

– Да. Ну так ты чего, простил его?

Он удивлённо смотрит на неё. Несколько секунд молчит.

– Жень, – тихо говорит он. – Ты сейчас издеваешься?

² Строчка из песни Максима Леонидова «Видение».

– Ни в коем случае.

– А мне есть за что его прощать? Да даже если бы и было, разве у меня были бы варианты?

– А если бы это была я?

Он смотрит на неё. Она продолжает стоять в дверях. Не двигается, не приближается.

– Я не понял, Жень.

– Если бы это была я, – тихо повторяет она. – Если бы это я кричала на Сашу. Если бы это я хватала его за плечи. Если бы говорила тебе: «Как ты меня достал». Если бы называла... непарламентскими выражениями. Если бы уходила. А потом вернулась бы и сказала «Прости», ты бы простил?

Он замирает. В голове – не ответ. Воспоминания. Её слёзы впервые за долгое время. Её усталость, её претензии, её крики. Её слёзы по ночам в начале их пути жизни с особенным ребенком, когда стало точно понятно, что он особенный, и как он притворялся, что спит и не слышит. Его грубость. Как он говорит: «Дура» и «Не до лирики». Их ссоры, где они мерились болью. Последнюю ссору, после которой он пошёл за печеньками. Давал ей сигареты, но сам не курил при ней. Письмо той женщины из прошлого. Её «Люблю», «Прости» и «Я не смогу простить саму себя». Она не могла, потому что было уже слишком поздно и необратимо.

– Я не знаю, – наконец выдыхает он.

Она вздрагивает. Этого больше всего она боялась услышать.

Однако он продолжает:

– Я не знаю, – и снова пауза. – Что ты должна сделать, чтобы я поступил иначе.

Он берет на руки Сашу и прижимает к себе. Мальчик неожиданно кладёт голову ему на плечо. Он крайне редко так делает. Никита утыкается лицом в детскую шею.

Она продолжает стоять в дверях и наблюдать за ними. Просто отец и сын. Никто не превосходит другого. Они равные.

Он оборачивается к ней.

– Жень, я должен тебе сказать...

– Потом, – перебивает она. – Пойдёмте завтракать уже. Сколько можно? Поедим мы эту кашу когда-нибудь уже или нет? Да и тебе надо устранять последствия.

«Что ж, опять не получается. Ну ладно. Подожду лучшего момента».

Глава 10. Зачем я это читаю?.. Хорошо, что я это читаю...

Он сидит за ноутбуком. Женя в соседней комнате пытается учить Сашу говорить правильно «Да» и «Нет». Показывает игрушки, картинки, задаёт вопросы, подразумевающие выбор одного из двух. Она уже долго бьётся над этим и всё равно пока мало правильных ответов. И все понимают: это ещё долгий путь.

Он пытается восстановить последствия того, что он оставил ноутбук открытым и незаблокированным. Лицо серьёзное, даже хмурое, потирает виски.

«Блин, что ж я вчера не выложил это в репозиторий? Должен же был сразу. Это вообще грубая оплошность, так нельзя. Ну думал, мелочь, успею ещё. Она права была, у меня, правда, ничего нет. Ни в голове. Ни ещё кое-где. В репозитории файлы до обновления. Но хоть там есть этот конфиг, правда, тоже старый. Буду восстанавливать по памяти».

На столе лежит та самая тетрадь. Он на секунду отвлекается от монитора и смотрит на неё.

«А ведь действительно, как важно всё делать вовремя. Не только с программным кодом. Жизнь тоже требует автоматического бэкапа. Сделать бы такой».

В соседней комнате Женя показывает Саше картинку с кошкой.

– Это собака?

– Нет.

– Умница. Правильно. Это мышь?

– Нет.

– Отлично. Это корова?

– Да.

– Саша, блин. Убью. Сколько можно? Кто это?

– Кошка.

– Ну, знаешь же. Ещё раз, это корова?

– Нет.

– Ну а почему сразу нельзя было сказать?

– Сразу нельзя было сказать, – эхом отвечает Саша.

– Понятно. Это кошка?

– Нет.

– Саша!!!

– Да.

– Я с ума сойду с тобой, наверное. Ещё раз, кто это?

– Кошка.

– Так. Значит, это лягушка?

– Нет.

– Так. Это кошка?

– Да.

– Фух... Наконец-то. Молодец.

Ставит перед ним ту самую плюшевую овцу.

– Это овца?

– Да!!! – с восторгом отвечает Саша.

– Ну здорово. Красавчик! Дай пять!

Протягивает ему ладонь, Саша хлопает по ней.

«Ну хотя бы так. Хотя бы на этой овце».

– Давай отдохнём. Сходим к папе, узнаем, как у него дела?

– Хорошо, – отвечает Саша, словно у него спросили, как у него дела. Он всегда так отвечает, независимо от действительности. Такое вот универсальное слово, которое закрывает диалог и не требует конфликта.

– Да не у тебя, Саш, а у папы. Хорошо бы, если б так и было. Я, правда, не уверена. Пойдём. Бери все игрушки.

Они идут в гостиную. Он продолжает работать, стараясь не отвлекаться. Она подходит к нему. Саша тут же усаживается на пол, снова начинает выстраивать игрушки в ряд.

– Никит... Ну ты как? Восстановил?

Он не отрывается от клавиатуры.

– Угу. Почти.

– Сложно было?

– Тебе честно? Полный п...

Он резко замолкает. Бьёт себя по губам. Она смотрит на него круглыми глазами. Саша рядом.

– Полный... белый пушистый зверёк, – улыбаясь, говорит он сквозь свою усталость.

– Белый пушистый зверёк, – эхом повторяет Саша.

Он закрывает лицо руками, но уже не чтобы плакать. Чтобы смеяться. Или плакать от смеха. Смеётся первый раз за день. Не громко, но искренне.

– Да, сынок, – говорит он. – Именно так.

А она смеётся громко. И тоже первый раз за день.

– Ну всё, – говорит она, давясь от смеха. – Теперь у нас в доме новое правило. Никаких матерных слов. Только белые пушистые зверьки.

Он смотрит на Сашу. Улыбается.

– Спасибо, Саша, что не сказал: «Овца».

– Овца!!! – громко и радостно кричит Саша.

Они оба заливаются смехом. Они оба устали, оба на грани. Но они здесь. И Саша здесь. И белые пушистые зверьки тоже.

– Сейчас момент истины. Попытаюсь сборку обновить с восстановленным файлом.

Пересобирает. Не проходит. Три ошибки.

– Б...

И снова замолкает, осекаясь на полуслове. Снова бьёт себя по губам.

Она смотрит на него, хитро улыбаясь.

– Что, Никит? Белый пушистый зверёк?

Он смеётся. Глаза мокрые от смеха.

– Ага. Жень, идите поиграйте ещё. А то я так не смогу. Мне как-то надо всё это восстановить. С помощью какой-нибудь матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.